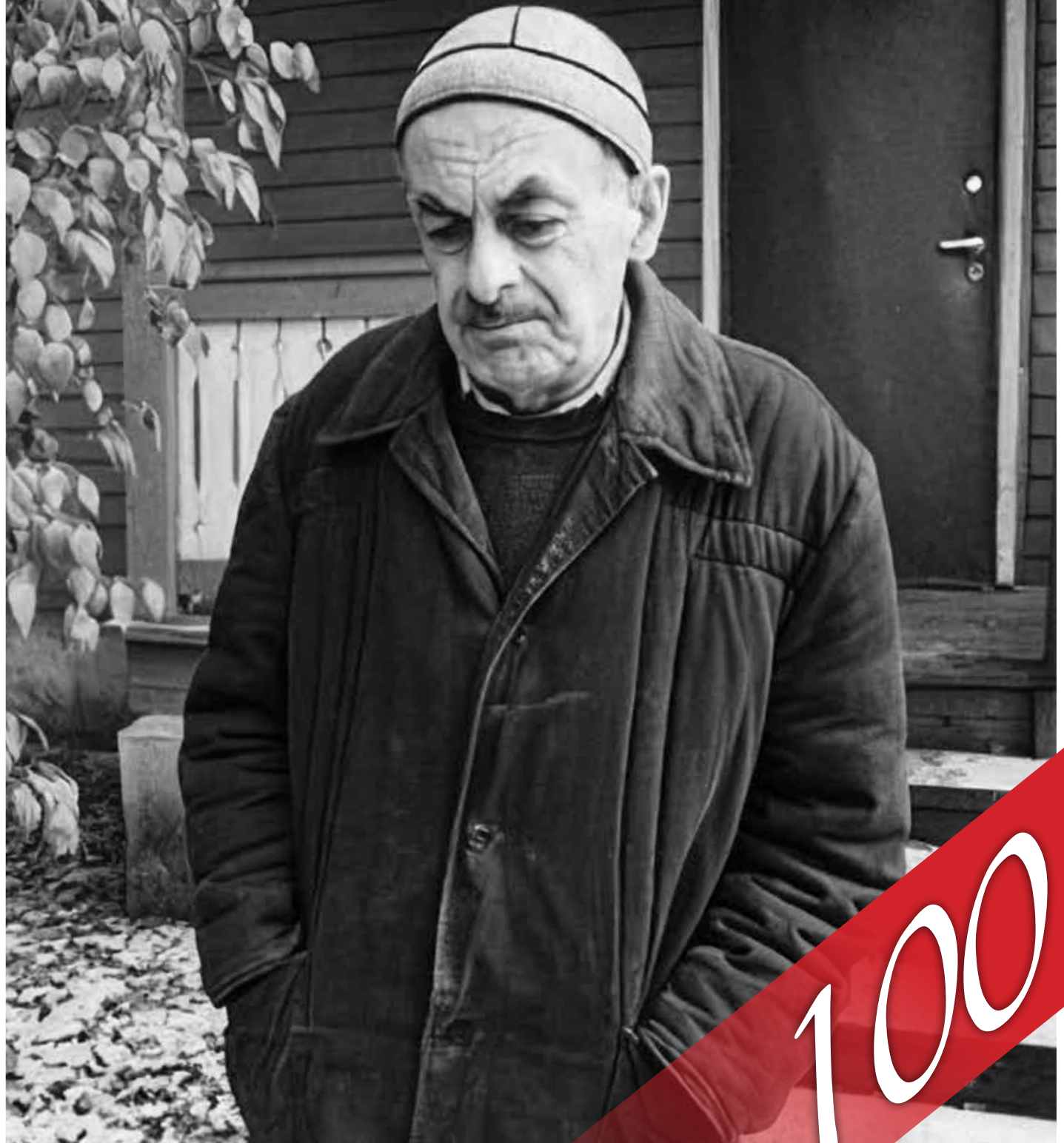

№5

Май 2024

РУССКИЙ КЛУБ

100

Фото Серго ЭДИШЕРАШВИЛИ

РЕДАКЦИЯ

Грузия 0105, Тбилиси,
пр. Руставели, 2
тел./факс: (995 32) 293-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru
www.rcmagazine.ge
www.russianclub.ge

Главный редактор
Нина ШАДУРИ-ЗАРДАЛИШВИЛИ

Заместитель главного редактора
Владимир ГОЛОВИН

Редакционная коллегия:

Алла БЕЖЕНЦЕВА
Инна БЕЗИРГАНОВА
Эмзар КВИТАИШВИЛИ
Демико ЛОЛАДЗЕ
Михаил ЛЯШЕНКО

Дизайн и верстка
Давид ЭЛБАКИДЗЕ-МАЧАВАРИАНИ

Допечатная подготовка
Елена ГАЛАШЕВСКАЯ

Корректурa
Алена ДЕНЯГА

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ КЛУБ»

Грузия
Зураб АБАШИДЗЕ
Нани БРЕГВАДЗЕ
Гуджа БУБУТЕИШВИЛИ
Роин МЕТРЕВЕЛИ
Ирма СОХАДЗЕ
Александр ЭБАНОИДЗЕ

Армения
Каринэ ХАЛАТОВА

Беларусь
Валентина ПОЛИКАНИНА

Великобритания
**Князь Никита ЛОБАНОВ-
РОСТОВСКИЙ**

Израиль
Давид МАРКИШ

Россия
Заур КВИЖИНАДЗЕ
Елен ДОРИС

Франция
Граф Петр ШЕРЕМЕТЕВ

© ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКЕ ССЫЛКА НА
«РУССКИЙ КЛУБ» ОБЯЗАТЕЛЬНА

В ТОРГОВУЮ СЕТЬ ЖУРНАЛ НЕ ПОСТУПАЕТ

ISSN 1512-2972

UDS: 008.1(47922:470)
C-24

РУССКИЙ КЛУБ

№5 (223)
Май 2024

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

საზოგადოებრივ-მხატვრული გამოცემა

საზოგადოებრივ-მხატვრული გამოცემა

СОДЕРЖАНИЕ

- 4 ОТ А ДО Я
РОБ АВАДЯЕВ
- 6 МОЙ ОКУДЖАВА
ДМИТРИЙ ТРОФИМОВ
- 9 «УХОДИТ ИЗ НАВТЛУГА БАТАРЕЯ...»
ВЛАДИМИР ГОЛОВИН, НИНА ШАДУРИ
- 14 УТРО КРАСИТ НЕЖНЫМ СВЕТОМ...
БУЛАТ ОКУДЖАВА
- 17 ИСТОРИЯ НЕИСТОВОГО ТЕАТРАЛЬНОГО ХУДОЖНИКА,
ИЛИ КАК Я «ПОРВАЛ» ПАРИЖ
АНАСТАСИЯ ХАТИАШВИЛИ
- 24 КРАСНЫЕ ЛИСТЬЯ ГОМБОРИ
МИХАИЛ СИНЕЛЬНИКОВ
- 26 КРЫМСКАЯ ВЕСНА-1944
ЛАДО ТАВАДЗЕ
- 32 ПУБЛИЧНОЕ ОДИНОЧЕСТВО В ХЛОПКОВЫХ ПОЛЯХ
ИННА БЕЗИРГАНОВА
- 36 «МОИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ ПОСТАНОВКИ ВСЕГДА ЗРЕЛИЩНЫ»
ИНГА БЕРИДЗЕ
- 40 ПОДАРОК ЛЮБИТЕЛЯМ ИСТОРИИ
КЕТЕВАН МГЕБРИШВИЛИ
- 44 СОЛДАТ ПОБЕДЫ
НОДАР НИКУРАДЗЕ
- 48 «Я РОДОМ НЕ ИЗ ДЕТСТВА – ИЗ ВОЙНЫ»
ЮЛИЯ ДРУНИНА
- 50 ЗОЛОТАЯ ИСКРА
- 52 КУЛЬТУРА – ЭТО СВОБОДА
ЮЛИЯ ТУЖИЛКИНА
- 53 ЗАНИМАТЕЛЬНАЯ ЭТИМОЛОГИЯ

На обложке – БУЛАТ ОКУДЖАВА

от ДО

Роб АВАДЯЕВ

ВСКОПАТЬ 300 СОТОК

Он был сыном лодочника в нью-йоркском порту и четвертым ребенком в семье голландских эмигрантов по фамилии Вандербильт. Им также принадлежала небольшая ферма в окрестностях порта, где всем рулила энергичная мать семейства. Она использовала в сельских работах старших детей и соседских батраков, нанятых на маленькие деньги, что оставались от заработков мужа. Мальчик по имени Корнелиус с самого детства знал все мели, банки и течения в проливах около Нью-Йорка и мечтал, что сам станет лодочником или даже лоцманом. За месяц до своего 16-летия он заявил матери, что уходит из дома, чтобы стать моряком. И она сделала ему предложение, от «которого он не мог отказаться». А именно – дать ему займы 100 долларов (огромная сумма по тем временам) за покупку своего судна, если он вспашет и засеет каменистое поле в триста соток. Корнелиус справился с этой работой и смог купить свое первое плавающее средство – небольшую баржу под названием «Быстроходная». Так он стал морским перевозчиком пассажиров за 18 центов за рейс из Статен-Айленда на Манхэттен. Матери он вернул долг менее, чем через год, а заодно внес в се-

мейный бюджет целую тысячу долларов. К восемнадцати годам у него была небольшая флотилия катеров и барж, а также шхуна «Шарлотта». И это только начало его невероятной карьеры. Корнелиус Вандербильт оказался гениальным предпринимателем и отважным моряком. Во времена англо-американской войны 1812 года он, несмотря на морскую блокаду побережья, снабжал необходимым шесть военных гарнизонов, героически уходя от погони английских военных кораблей. А спустя много лет, когда к середине XIX века Вандербильт стал крупнейшим судовладельцем, его корабли помогали войскам президента Линкольна бороться с флотом южан в Гражданской войне Севера и Юга. А еще Корнелиус Вандербильт, по уважительному прозвищу «Командор», занялся железными дорогами, справедливо заметив, что грузы, привезенные по морю, нужно перевозить до места назначения по суше. В итоге, этот человек, родившийся в последнее десятилетие восемнадцатого века, а именно 27 мая 1794 года, за свою долгую жизнь, где было много испытаний, достижений, предательств, поражений и блестящих побед, стал одним из самых богатых американцев в истории, заработавшим свое состояние на железных дорогах и судоходстве.

КТО НАЗВАЛ МЕТР «МЕТРОМ»

Многих современников-французов смущало, что наш герой, родившийся весной 1749 года, в разные периоды жизни успел побыть республиканцем и монархистом, атеистом и католиком, быть обласканным при империи и после Реставрации, с легкостью пережил в революцию якобинский террор, в то время, как знаменитые коллеги во главе с его другом, гениальным Лавуазье, закончили жизнь на гильотине. Этот сын зажиточного крестьянина добился в своей жизни многого, став в итоге сначала графом, потом маркизом, а еще министром внутренних дел (правда, только в течение шести недель) и даже канцлером Сената. И кавалером Ордена Почетного легиона. Все это напоминает карьеру какого-то проходимца или карьериста XVIII века, если не вспомнить имя этого незаурядного человека – Пьер-Симон де Лаплас. Математик, механик, физик, астроном, он занимался работами в области небесной механики и дифференциальных уравнений, был одним из создателей теории вероятностей, далеко продвинул линейную алгебру. Он усовершенствовал почти все разделы наук, которыми

занимался. Лаплас состоял членом шести Академий наук и Королевских обществ, включая Российскую Академию наук. Для французов он, как для русских Ломоносов. И так же, как и уроженец заснеженных Холмогоров, много занимался с молодыми учеными и студентами. Кстати, у него на экзамене получил высший балл 16-летний Наполеон Бонапарт. Но наступили великие революционные времена. Франция в последнее десятилетие XVIII века яростно бурлила. Однако мудрый Лаплас никогда ни с кем не вступал в конфликты – ни с властями, ни с отдельными революционерами. Свои политические взгляды он никогда не демонстрировал. А простонародное происхождение Лапласа не только предохранило его от репрессий революции, но и позволило занимать высокие должности. Впрочем, от якобинской диктатуры Лаплас с семьей попросту сбежал в провинцию. Во времена Наполеона, сохранившего доброе чувство к своему бывшему экзаменатору, Лапласу жилось вольготно и комфортно, как, впрочем, и после Империи, при Реставрации. Он занимался наукой, был милым и приятным в общении, а еще он был абсолютно всеми признанным безоговорочным гением и гордостью французской науки. В довершение всего, Лапласу мы обязаны введению метрической системы и созданию в 1799 году эталона единицы длины и единицы массы. Между прочим, метр «метром» называл именно Лаплас.

ОДИН ИЗ «ТРЕХ МУШКЕТЕРОВ» ГРУЗИНСКОГО АВАНГАРДА

С 1918 по 1921 годы Грузия ненадолго обрела независимость, и Тифлис стал центром национального авангарда и бурной творческой жизни как здешних художников, так и людей искусства, приехавших из бунтарской России. Здесь проводились стихийные и специально организованные выставки, а в уютных кафе и духанах велись прекрасные, содержательные беседы о судьбах

художественных жанров. Молодые художники выставляли свои работы, а бежавшие от большевиков русские живописцы оформляли авангардные спектакли и художественные полиграфические издания, рисовали иллюстрации к шедеврам грузинской литературы. Художник С. Судейкин вместе с друзьями расписывал стены знаменитого ресторана «Химериони». А еще все увлекались поиском и изучением работ безвременно скончавшегося грузинского гения-самоучки Нико Пиросманашвили. И вот среди это-

го удивительного круга опытных и начинающих творцов проявилась тройка чудесных молодых художников-авангардистов – Ладо Гудиашвили, Давид Какабадзе и Шалва Кикодзе, последний из которых был к тому времени популярен, как остроумный и наблюдательный карикатурист. Именно о нем мы сегодня вспоминаем в преддверии его 130-летнего юбилея. Шалва родился в небогатой дворянской семье в деревне Бахви Озургетского уезда. По окончании гимназии отправился в Московский университет учиться на юриста, но быстро нашел свое призвание в знаменитом Училище живописи, ваяния и зодчества. Кикодзе часто приезжал домой, в 1916 году принял участие в экспедиции в грузинское село Набахтеви, где сделал копии фресок XV века в местной церкви. В 1918 году он окончательно вернулся на родину и начал профессионально заниматься изобразительным искусством. В 1919 году Общество грузинских художников организовало выставку живописи молодых мастеров. Выставка прошла с большим успехом, а «трех мушкетеров», Гудиашвили, Какабадзе и Кикодзе, было решено финансировать для поездки в Европу, где они смогли бы продолжить образование. И они поехали

завоевывать Париж. Обосновались на Монпарнасе, в знаменитой коммуна «Улей» вместе с Фернаном Леже, Амадео Модильяни, Хаимом Сутиным, Марком Шагалом и многими другими ниспровергателями застывших художественных форм, составившими славу нового мирового авангардного искусства. Благо, что снять там на месяц одну из 140 студий-ателье, размером с каморку бедняка, стоило, как два недорогих обеда. Этот пестрый многонациональный художественный табор жил бедно, дружно и весело. Зато сколько шедевров там было создано! Наши грузинские «мушкетеры» быстро стали своими, а выставленные ими работы на парижских вернисажах вызвали настоящий фурор. Но Шалва Кикодзе, этот чудесный и наблюдательный художник, пишущий свои работы в беспощадной экспрессионистской манере, этот верный друг и неисправимый романтик, к сожалению, заболел и вынужден был уехать лечиться в Германию. Там всего в 27-летнем возрасте он внезапно скончался и был похоронен в Фрайбурге. Честь и хвала тем людям, которые предприняли усилия по сохранению наследия этого прекрасного грузинского художника-экспрессиониста и собрали большинство его полотен грузинского и парижского периода. А любители живописи Грузии и гости столицы в 2016 году смогли насладиться искусством Кикодзе, посетив его вторую, после 1927 года, персональную выставку.

ВЕЛИКИЙ КОМБИНАТОР В РЕАЛЬНОСТИ

Про таких людей говорят, что они «имеют размах». И это говорилось не только о характере нашего персонажа, но и о его внешности – это был очень высокий, ловкий, мускулистый, смуглый и красивый знойной мужской красотой мужчина. Он имел южнорусский выговор. Носил поверх тельняшки полотняный мятый пиджак, широкие матросские брюки, крепкие, потертые грубые ботинки на босу ногу, а на голове – фуражку киевского милиционера... Да, дорогие мои, этот человек «с размахом» был прототипом знаменитого Остапа Бендера. И звали его именно Остапом, а по документам – Осипом Вениаминовичем Шором, рожденным 30 мая 1899 г. Рос он вместе со своим старшим братом, поэтом Анатолием Фиолетовым (псевдоним), в солнечной Одессе. Его юность прошла в бурные времена Гражданской войны и НЭПа. Имея непоседливый характер, Остап немало поездил по стране, пускаясь в разные авантю-

ры и даже аферы, поскольку имел криминальный талант, но, как и литературный прототип, «свято чтит уголовный кодекс». После гешефта со сбором предварительных заказов на выращивание «куриц без перьев для мясной промышленности», больше похожего на розыгрыш, чем на реальное преступление, Остап подался в... одесский уголовный розыск, где стал отважным оперативником и настоящим грозой бандитов Мишки Япончика. И был ими приговорен к смерти. Но убит был не он, а его старший брат-поэт... По ошибке. По воспоминанию Валентина Катаева, Остап нашел убийц, пришел к ним в воровскую «малину» и положил маузер на стол, тем самым говоря, что пришел не стрелять, а разобраться. А бандиты перед ним покаялись за случайное убийство. Мол, хотели вас, но спутали с ним... Они всю ночь пили за упокой поэта, а утром разошлись. Больше Остап не брал оружия в руки. Он уехал в Москву и далее на Урал, где немало трудился на великих сталинских стройках. У него в годы Большого террора была даже стычка с сотрудниками НКВД, пришедшими арестовывать друга. Остап их, как опытный боксер, здорово отделал, а когда к наряду пришла подмога, бежал в окно. Его так и не нашли. Остап Шор много лет скитался, много работал, помогал семьям попавших в лагеря, во время войны пытался пробраться в осажденный Ленинград кого-то спасти, пошел добровольцем на фронт. Но к старости сдал, стал много болеть, испортилось зрение. Семью Остап так и не создал, а нашел себе работу проводника товарного вагона на маршруте от Москвы до Ташкента — две недели туда, две обратно и месяц у сестры в Текстильщиках. Похоронен Остап на Донском кладбище, и к его захоронению в колумбарии ходят много любопытных — еще бы, сам Великий комбинатор! Что же до его приключений, то они есть в чудных книжках его друзей, Ильфа и Петрова, — «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок». А приключений у этого Остапа, как и у книжного, было немало. И, как говорят, далеко не все они выдуманные.

МОЙ ОКУДЖАВА

■ Дмитрий ТРОФИМОВ

У нас появился странный поэт: стихи обычные, музыки никакой, голос посредственный, все вместе – гениально.

Андрей Вознесенский

*Я всегда думаю, что живу в то же время, в которое живет Булат.
И меня это возвышает.*

Зиновий Гердт

Как сейчас помню, главным моим богатством в конце 1970-х (я как раз заканчивал школу) была коллекция кассетных бобин с выступлениями Высоцкого, Визбора, Brassанса и Окуджавы. Brassанс и Визбор мне нравились, Высоцким я заслушивался... А вот Окуджаву по-настоящему любил и верил безоговорочно этому странно-хрипловатому голосу, пусть и лишённому бьющей через край энергии Высоцкого, лиричности Визбора и французского шарма Brassанса.

Помню, и как спустя 10 лет, на баррикадах у Белого дома, в самую стылую ночь с 19 на 20 августа, когда с минуты на минуту ожидался штурм, моя «десятка», не сговариваясь, запела «Поднявший меч на наш союз»...

Многие из литературных и песенных кумиров юности с годами потеряли в моих глазах былое очарование и убедительность. Многие, только не Окуджава: он был все время рядом, а я просто открывал для себя и в себе его новые грани и новые смыслы.

В моей жизни были три человека, которые жили как бы в тени даты собственного дня рождения: у одного это был Новый год, у второго – 29 февраля, у третьего – 8 марта. Но я всегда задавался вопросом, каково это в нашей стране родиться в День Победы? И что это было для фронтовика, но фронтовика, так не любившего фанфары и парады, – судьба или своего рода дополнительное пригла-

шение осмыслить и ту войну, и ту победу, и нас всех, и себя самого? Думается, и то, и другое.

«Я написал за свою жизнь пять романов, немного стихов, несколько киносценариев и несколько рассказов», – поздний Окуджава нескрываясь тяготеет к прозе, особенно исторической (есть куда уйти из решительно не устраивавшей его плоской действительности), о ней предпочитает и говорить, и даже писать стихи:

*Были дали голубы,
было вымысла в избытке,
и из собственной судьбы
я выдерживал по нитке.
В путь героев снаряжал,
наводил о прошлом справки
и поручиком в отставке
сам себя воображал.*

В заполненной им анкете в графе «профессия» он напишет: «по образованию – филолог; по призванию – литератор». Именно так. Не поэт. Хотя, слыша в свой адрес нелюбимое слово «бард», он уточнял: «Барды – это поэты, поющие свои стихи». Последних, к слову, к концу его жизни образовалось чуть более, чем «немного», – свыше 800.

Творчество Окуджавы полно загадок. И главная – «как он это делал?» Каким образом союз стихов, голоса и гитары производил тот едва ли не магический эффект, у которого было имя – Булат Окуджава, но которому не было объяснения? Окуджава – это уникальное явление арбатского разлива («Ар-

батство, растворенное в крови, неистребимо как сама природа») с кавказскими корнями и с этой его, по меткому определению А. Вознесенского, «соколиной сутулостью, нахохленной над струной»... Это – сплав одиночества и рыцарского аристократизма (с неизменной готовностью самым решительным образом отстаивать свое достоинство – и словами, и делами), личная изломанность (в его жизни было мало счастья и душевного спокойствия: репрессированные родители, война, до 35 лет клеймо «сына врага народа», периоды непризнания, сменявшие времена полупризнания, трагедии в семье, крайне сложная поздняя любовь, болезни), неизменное, по крайней мере, до последних 10-15 лет жизни, стремление верить людям в сочетании с таким же почти неизменным разочарованием в них, абсолютное неприятие конформизма (в том числе, и в поэзии), лжи и цинизма, наконец, необратимо нарастающее с возрастом разочарование и даже безысходность... Впрочем, эти трагические нотки сопровождают его всю жизнь... В 1950-е они звучат в знаменитом посвящении матери:

*Настоящих людей очень мало.
На планету – совсем ерунда.
А на Россию – одна моя мама.
Только что она может одна!*

Или в том же так созвучном «Синему цветку» Бараташвили «Голубом шарике»... А спустя

«УХОДИТ ИЗ НАВТЛУГА БАТАРЕЯ...»

■ Владимир ГОЛОВИН

Нина ШАДУРИ

Булат Окуджава родился 100 лет назад, 9 мая 1924 года в Москве, на Арбате, в знаменитом роддоме Грауэрмана. Он любил Москву крепко, глубоко, верно. Но Тбилиси вечно жил в его сердце, навсегда оставшись какой-то особой, в чем-то не осуществленной мечтой. И так сложилось, что именно в грузинской столице многое в жизни Булата Шалвовича случилось впервые. Знакомство с оперой, ставшей его пожизненной любовью, выступления в дворовых спектаклях, попытки рисовать, чтение своих стихов перед друзьями, первый выход на публику (в госпиталях перед ранеными). А еще – знаком-

ства со знаменитыми актерами и литераторами, первая песня, первый резкий «взрослый» поступок – уход из школы, и первая запись в трудовой книжке. Здесь он получил аттестат зрелости и диплом вуза, впервые напечатался, женился и вступил в конфликт с властью.

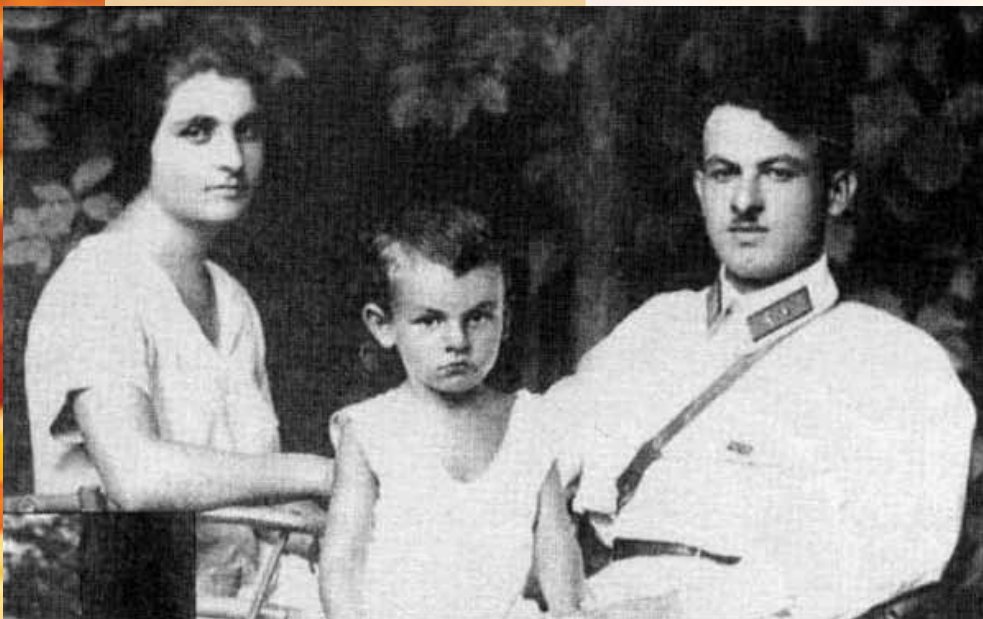
Убежденные большевики, молодожены Шалва Окуджава и Ашхен Налбандян, переехали в Москву из Тифлиса в 1922 году – учиться в Коммунистической академии. Родившегося там сына они назвали Дорианом (уж очень любили Оскара Уайльда). Бабушка Мария по материнской линии, приехавшая из Грузии помогать супругам, называла

его Дариком. Но через месяц младенца окончательно зарегистрировали как Булата. Потом Шалву перевели в Грузию – секретарем Тифлисского горкома партии. Лучшего места назначения нельзя было придумать – о своих кутаисских и тифлисских корнях Булат Шалвович подробно рассказал в романе «Упраздненный театр». И, естественно, каждое лето с 1925 по 1928 годы малыша отвозят в Тифлис к грузинским родственникам со стороны отца и армянским – со стороны матери.

Ашхен осталась в Москве и, закончив учебу, работала экономисткой в хлопчатобумажном тресте, но в начале 1930-го семья воссоединяется на исторической родине и поселяется в знаменитой гостинице «Ориент» на проспекте Руставели, где тогда жили высокие партийные чины. Еще через два года Шалва из-за конфликта с тогдашним первым секретарем ЦК Компартии Грузии Лаврентием Берия переводится в Нижний Тагил. Там, на должности первого секретаря Нижнетагильского горкома партии, его арестовывают и расстреливают в 1937-м. Два его брата были расстреляны как сторонники Троцкого, сестру Ольгу (супругу поэта Галактиона Табидзе) арестовывали дважды и 11 сентября 1941 года тоже расстреляли.

Ашхен, уехавшую с сыном в Москву, отправили в КАРЛАГ в Казахстан как члена семьи изменника Родины. И летом 1940 года, через год с небольшим после того, как чекисты пришли за его матерью, Булат Окуджава переехал из Москвы в Тбилиси. Его забрала к себе тетя – Сильвия Налбандян. Жила она в доме №11 на Грибоедовской улице, напротив консерватории. Туда Булат переселился с Арбата и там провел второй период своей тбилисской жизни.

1 сентября 1940 года Булат отправился в девятый класс 101-й школы г. Тбилиси. Ему было 16 лет. В таком возрасте менять привычную обстановку уже не просто, и поначалу арбатскому пареньку жизнь на новом месте давалась нелегко. Но прошло совсем немного времени, и он полюбил новую школу. Булат

С родителями

уже тогда писал стихи, но почти никому не читал. Он решился показать их школьной учительнице по литературе. Это была Анна Аветовна Малхаз-Тарумова – прекрасный педагог, влюбленный в свой предмет. Она с интересом ознакомилась со стихами своего ученика, и ее высокая (авансом, конечно) оценка вдохновила Булата на дальнейшее творчество. Он продолжал писать. Кстати, несмотря на то, что его поэтические опусы не понравились дяде – великому Галактиону.

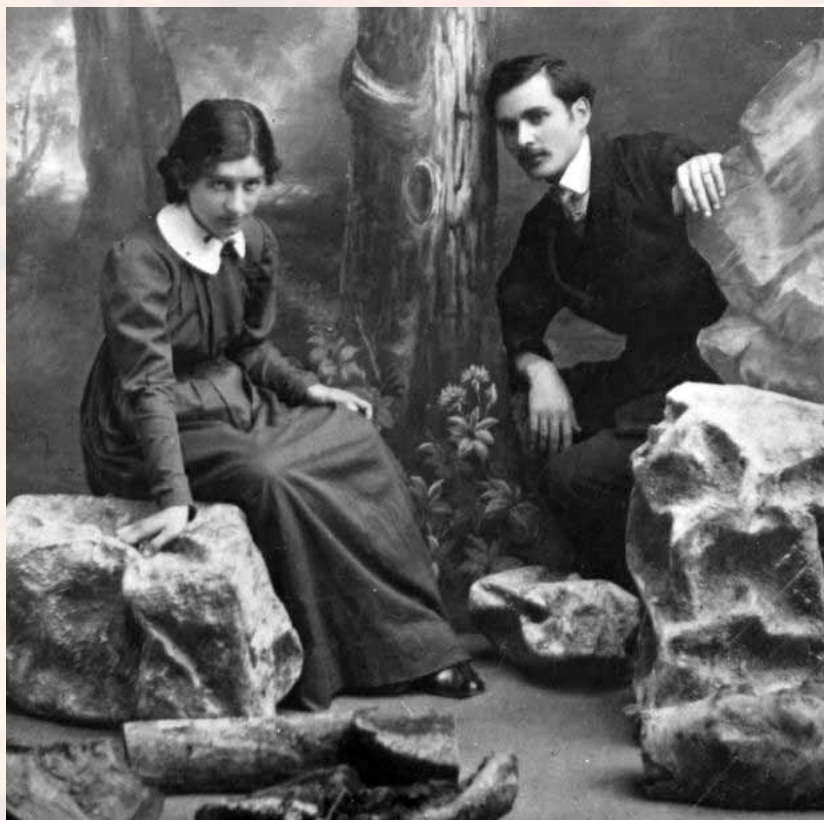
22 июня 1941 года Булат Окуджава запомнил навсегда и описал в автобиографическом рассказе «Утро красит нежным светом...». Началось его почти ежедневное хождение с другом Юрой Папинянцом в военкомат: «Хотим против фашистов воевать!» Их, конечно, неизменно выгоняли. Впрочем, несколько раз доверили разносить повестки. А в школе Анна Аветовна организовала агитбригаду для выступлений перед ранеными. В госпиталях 16-летний Окуджава читал стихи Маяковского, а в разных сценках изображал то раненого, то старика Власа с седой бородой, в зипуне. В сентябре 1941-го в Тбилиси был эвакуирован МХАТ. Анна Аветовна пригласила легендарных артистов выступить в школе. На сцену актового зала поднялись Василий Качалов, Михаил Тарханов, Ольга Книппер-Чехова. Булат открывал вечер чтением

стихов. Очевидцы запомнили, что после его выступления Качалов расцеловал юного декламатора и пожал ему руку. Ну, а звезда Большого театра Вера Давыдова и ее муж, директор оперной труппы Дмитрий Мчедлидзе, переезжают в Грузию насовсем и вообще поселяются на одной лестничной площадке с семьей Сильвии.

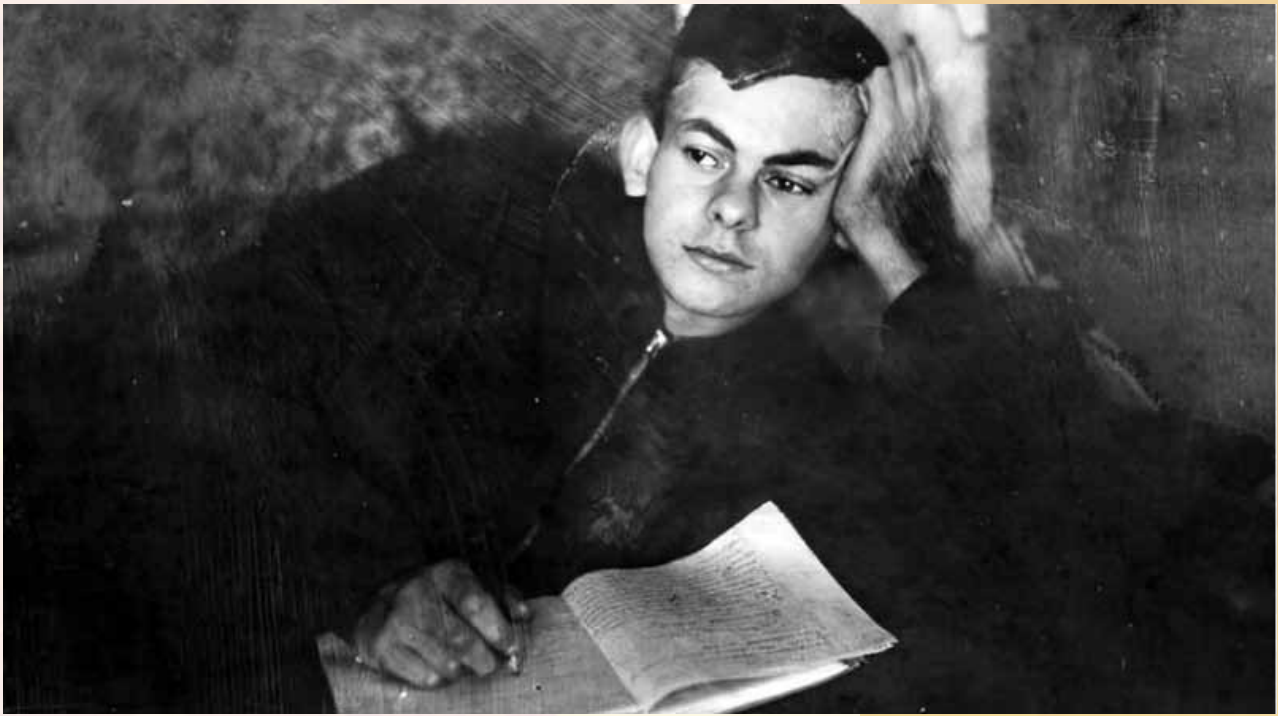
Неожиданно вернулся с

фронта младший брат Сильвии, Рафик. Он служил водителем грузовика. Едва дядя Рафик умылся и переоделся, как Булат нацепил на себя его гимнастерку, галифе, сапоги, пилотку, выскочил на улицу Грибоедова и прошел строевым шагом аж до Соллоаки, козыряя всем встречным военным.

В августе 1942-го Булат, наконец, отправился в армию. В знаменитом интервью Юрию Росту «Война Булата» он вспоминает о первых неделях после призыва: «Мы ходили в своем домашнем, присяги не принимали, потому что формы не было. А потом нам выдали шапки альпийских стрелков, и мы, обносившиеся, босиком, в этих альпийских широкополых шляпах, запевая и ударяя босыми ногами в грязь, ходили строем. А потом в один прекрасный день осенний нас передислоцировали в Азербайджан. Там мы жили немножко, мечтая попасть на фронт. Потому что здесь кормили плохо, а все рассказывали, что на фронте кормят лучше, там фронтовая пайка, там своя жизнь. Фронт был вожделенным счастьем. Все мечтали об этом. Однажды нас вдруг подняли. Повезли в баню и после помыв-

Ольга Окуджава и Галактион Табидзе

ки выдали новую форму. Но повезли не на фронт, а под Тбилиси в какой-то военный городок за колючей проволокой. Там мы изучали искусство пользования ручной гранатой... Раздали вечером гранаты и предупредили, что если сунуть неудачно капсулю внутрь, то тут же взрыв, и все. Гранаты заставили на пояс прицепить. Капсюли отдельно, и велели лечь спать. Мы ложились медленно, стараясь не дышать. Ночь была страшная. Утром смотрим, стоят студебекеры новенькие, американские, наши минометы прицеплены к ним. По машинам! И начались наши фронтовые скитания».

*Уходит из Навтлуга батареи.
Тбилиси, вид твой трогателен
и нелеп:
по-прежнему на синем –
«Бакалея»,
и по-коричневому – «Хлеб»...
Мы проезжаем город.
По проспекту.
Мы выезжаем за гору. Война.
И вывески, как
старые конспекты,
свои распахивают письма...*

Фронтальная биография рядового Булата Окуджава выглядит следующим образом. С августа по сентябрь 1942 года – карантин в 10-м отдельном запасном минометном дивизионе в Кахети. С октября по декабрь 1942 года – Северокавказский

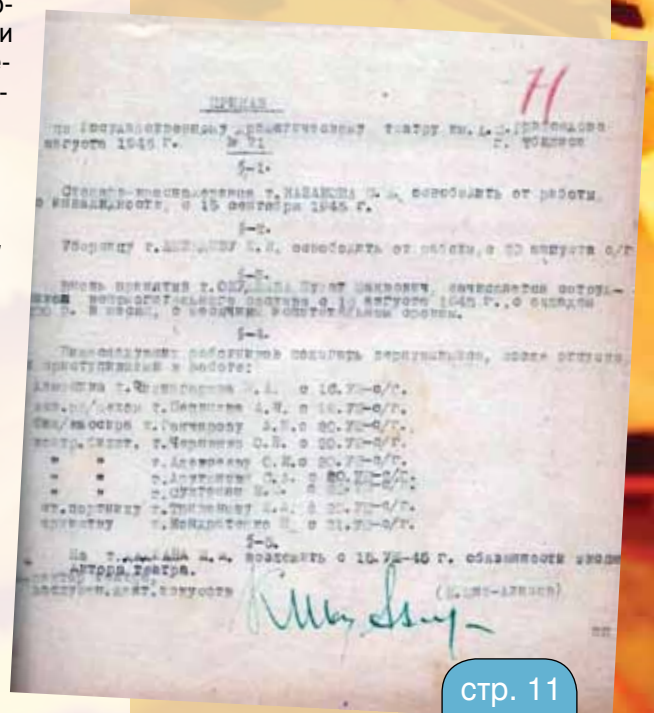
фронт, минометная бригада 254-го гвардейского кавалерийского полка 5-го гвардейского Донского кавалерийского казачьего корпуса под Моздоком. 16 декабря был ранен. В 1986 году Булат Шалвович вспоминал, как это произошло: «Над нашими позициями появился немецкий корректировщик. Летел он высоко. На его ленивые выстрелы из пулемета никто не обращал внимания. Только что закончился бой. Все расслабились. И надо же было: одна из шальных пуль попала в меня. Можно представить мою обиду: сколько до этого было тяжелых боев, где меня щадило! А тут в совершенно спокойной обстановке – и такое нелепое ранение его и спасло:

*Когда на земле
бушевала война
и были убийства в цене,
он раной одной
откупился сполна
от смерти
на этой войне.*

Затем был госпиталь, после – запасной полк, Батуми, Новороссийск, Степанакерт. Кстати, в армии, в 1943 году, он написал свою самую

первую (не сохранившуюся) песню: «Нам в холодных теплушках не спалось». Позднее Окуджава со всей откровенностью говорил: «На фронте были свои достоинства: какая-то раскованность, возможность сказать правду в лицо, себя проявить, было какое-то братство. И все, пожалуй. Война учила мужеству и закалке, но закалку и в лагере получали. А в основном это был ужас и разрушение душ».

В марте 1944 года Булат вернулся на все ту же Грибоедовскую улицу, и начался третий тбилисский период его биографии.

С первой супругой Галиной

20 июня того же года он экстерном заканчивает тбилисскую вечернюю школу №3 и получает аттестат о среднем образовании, в котором всего лишь две пятерки – по русскому языку и русской литературе. Поступает на русское отделение филологического факультета Тбилисского государственного университета. Причем, принят он был, скажем честно, не за великие знания, а как фронтовик. А в августе Булат начинает работать в Грибоедовском театре. В архиве театра сохранился приказ №71 за подписью директора Константина Шах-Азизова. В параграфе 3 сказано: «Окуджаву, Булат Шалвович, зачисляется сотрудником вспомогательного состава 16 августа 1945 года с окладом 200 р. в месяц, с месячным испытательным сроком». Испытательный срок молодой сотрудник выдержал и проработал в театре до конца года.

Летом 1945-го ему удалось впервые напечататься. Публикация состоялась 15 июля 1945 года в газете Закавказского фронта «Боец РККА» (впоследствии – «Ленинское знамя», «Закавказские военные ведомости»). Это было стихотворение «До свиданья, сыны» под псевдонимом «А. Долженев».

*Посидим под деревом, братцы.
Ехать мне теперь далеко.
Только с вами вот расставаться
Очень, знаете, нелегко.*

Много лет спустя эти стихи Окуджаву назвал, представьте себе, «ужасными». Но их принял к печати ни кто иной, как Ираклий Андроников, в то время – сотрудник газеты. Несколько месяцев спустя он даже завел специальную рубрику: «Творчество Булата Окуджавы».

Предпринимается попытка жить отдельно от родственников, правда, уйти от них очень далеко не удалось – полуподвальная комнатка снята через дорогу, в здании консерватории, и именно в ней был создан литературный кружок «Соломенная лампа». Были и другие кружки. Тот, что при редакции газеты «Заря Востока», назывался МОЛ (Молодая литература, вариант: Молодое общество литераторов), вырос он из консультаций при Союзе писателей Грузии. Старшекурсники филологического факультета создали «Зеленую лампу». В МОЛ Окуджаву побывал лишь однажды, «Зеленая лампа» его тоже не особенно привлекла, и появляется «Соломенная лампа», у которой, как и полагается, есть постоянное место встречи, свой

состав, своя программа. Название выбрали потому, что именно такая лампа стояла в комнате, которую снимал Булат.

В октябре 1945 года в Тбилиси, на торжества по случаю столетия смерти Николоза Бараташвили, приехал Борис Пастернак. Окуджаву прорвался на его вечер в Союзе писателей, а на следующий день вместе с другом, тоже писавшим стихи, пришел к Пастернаку в гостиницу «Тбилиси». Начинаящие стихотворцы довольно долго читали свои произведения великому поэту. Как вспоминал позднее Окуджаву, Борис Леонидович обратил внимание не на него, а на его друга, который, кстати, вскоре навсегда бросил писать стихи. Спустя три года Булат читает свои стихи и другим гостям грузинских литераторов – Павлу Антокольскому и Александру Межирову.

В 1947-м – три знаменательных события: встреча с вернувшейся из ссылки матерью, женитьба на однокурснице Галине Смольяниновой, дочери переведенного в Тбилиси подполковника Советской Армии, и переезд к ней на квартиру. А на следующий год – аресты среди интеллигенции, на фоне очередного партийного постановления о борьбе с «формалистически-

ми извращениями». И в Отделе по спецделам Прокуратуры Грузинской ССР 19 ноября 1948 рождается документ под номером № 68-1948. В нем – пять фамилий, и первая среди них – Окуджава:

«Я, Следователь Следственного Отдела Министерства Государственной безопасности Грузинской ССР, Лейтенант ШАРАШИДЗЕ, рассмотрев материалы, поступившие в МГБ ГССР о преступной деятельности ОКУДЖАВА Булата Шалвовича – нашел:

ОКУДЖАВА Булат Шалвович, 1924 года рождения, уроженец гор. Москвы, грузин, гражданин СССР, беспартийный, студент 4-го курса филологического факультета Тбилисского Государственного Университета, отец его в 1937 году репрессирован органами НКВД, мать возвращенка из ссылки, проживает в гор. Тбилиси по ул. Бараташвили № 8 – является членом нелегальной антисоветской организации молодежи, существовавшей при Тбилисском Государственном Университете.

ОКУДЖАВА Б. Ш. до 1943 года состоял членом неофициального литературного кружка «Мол», но будучи антисоветски настроенным и противником социалистического реализма в области литературы, покинул

Политехнический. Кадр из фильма «Застава Ильича»

названный кружок и организовал нелегальную антисоветскую группу, именованную себя «Соломенная лампа». Сколачивал вокруг себя своих единомышленников, устраивал нелегальные сборища у себя дома, где проповедывал и поощрял упадническое и формалистическое направление в литературе и поэзии, подвергая резкой критике мероприятия партии и правительства.

...Исходя из вышеизложенного и руководствуясь ст.ст.29 и 49 Временных Правил Производства Предварительного Расследования по Уголовным Делах ГССР – Постановил: ОКУДЖАВА Булата Шалвовича, проживающего в гор.Тбилиси по ул. Бараташвили № 8 – подвергнуть АРЕСТУ и ОБЫСКУ».

Но ареста не было, уже 20 января 1949 года дело, в котором было всего шесть листиков, прекратили. Окуджава вовсе не был антисоветски настроен, но многие его знакомые значились в уже по-настоящему антиправительственной группе с говорящим названием «Смерть Берия». Да и разницы между «неофициальным кружком», как назван в деле МОЛ, и «нелегальной группой», как именовалась там же Соломенная лампа», в понимании властей

практически не было. Так что Булата вызвали «куда надо» и «предупредили», чтобы не смел собирать у себя людей. И Окуджава попросту решил на три месяца уехать к тетке Марии в Москву. Жену Галину он с собой не взял – жить вдвоем им было негде. К зимней сессии 1949 года он вернулся в Тбилиси, и тут снова арестовали его мать...

В апреле 1950-го Булат Шалвович защитил диплом по теме «Великая Октябрьская революция в поэмах Маяковского» и в июле уехал из Тбилиси по распределению. Уехал, но не терял надежды вернуться. В 1963 году он написал стихотворение – посвящение своему другу, тбилисцу Марлену Хуциеву:

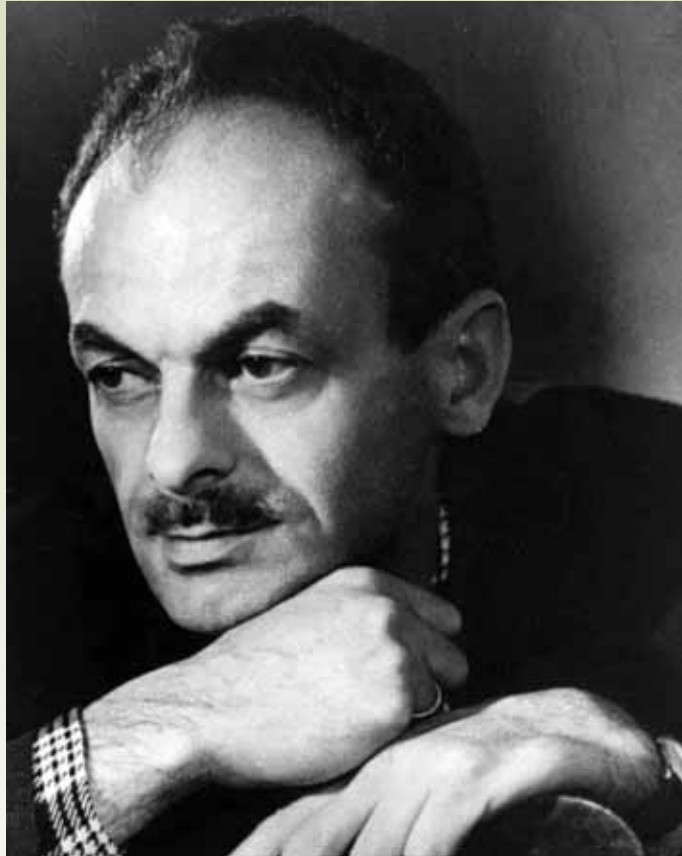
*Мы приедем туда, приедем,
проедем – зови не зови –
вот по этим каменистым,
по этим
осыпающимся дорогам любви.
Там мальчишки гуляют, фасоня,
по августу, плавают в нем,
и пахнет песнями и фасолью,
красной солью и
красным вином.*

Правда, такого возвращения в Тбилиси – возвращения навсегда – в жизни Булата Окуджава так и не случилось...

УТРО КРАСИТ НЕЖНЫМ СВЕТОМ...

■ Булат ОКУДЖАВА

*Посвящаю моему дяде Николаю
и памяти моей тети Сильвии*

Прошлое, давно прошедшее, минувшее, бывшее, история – какие торжественные понятия, перед которыми, наверное, следует стоять с непокрытой головой. Да неужели, думаю я, такое уж это прошлое? Такая уж это история? Да ведь это было совсем недавно: лето в Тбилиси, жара, позднее утро. Мы как раз собирались уезжать к морю. Я и дядя Николай перетряхивали чемоданы. Тетя Сильвия отбирала летние вещи. Мне было семнадцать лет. Вдруг отворилась дверь, и вошла без стука наша соседка. Мы шумно ее приветствовали. Она сказала белыми губами:

– Вы что, ничего не слышали?

– Слышали, – сказал дядя Николай, – столько чего слышали... А что вы имеете в виду?

– Война, – сказала она.

– А-а-а, – засмеялся дядя Николай. – Таити напало на Гаити?

– Перестань, – сказала тетя Сильвия. – Что случилось, дорогая?

– Война, война... – прошелестела соседка. – Включите же радио!

По радио гремели военные марши. Я выглянул в окно – все было прежним.

– Вот что, – сказала тетя Сильвия дяде Николаю и мне, – бегите в магазин и купите побольше масла... Я знаю, что такое война!..

Мы отправились в магазин.

Народу было много, но продукты, как обычно, лежали на своих местах. Мы купили целый килограмм масла.

– Может быть, еще? – спросил я.

– Ты сошел с ума! На нас уже смотрят. Стыдно.

Мы принесли то масло домой. Кто знал, что война так затянется?

По улицам потянулись новобранцы. Среди них были и молодые женщины. Все вдруг переменялось. О море думать не хотелось.

Пришел мой друг, Юрка Папиняц.

– Ну, – сказал он, – в военкомат не идешь?

– Конечно, – сказал я, – пошли.

По дороге я сказал:

– Хорошо бы в один танковый экипаж попасть...

– Хорошо бы, – сказал Юрка. Маленькое, робкое сомнение пискнуло где-то в глубине и смолкло.

В военкомате дым стоял ковромыслом, грохотали сапоги, толпились люди, плакала какая-то женщина, трудно было протолкнуться.

– Чего пришли? – спросил усталый маленький капитан по фамилии Кочаров.

– Да вот пришли, хотим против фашистов воевать... – сказал Юрка. – Хорошо бы в один эки-

паж.

– Вызовем, вызовем, – сказал капитан. – Идите.

Вот бюрократ чертов! – хотел сказать я, но сказал иначе:

– Зачем же вызывать, когда мы сами – вот они? Оформляйте, чего уж тут...

– А ну идите отсюда! – вдруг заорал он.

И мы ушли.

– Наверное, мы неправильно вошли, – сказал я, – что-нибудь не так сказали... Все-таки на фронт просимся, а не на базар...

На следующий день мы отправились снова, но нас опять выгнали. И на третий день тоже, и на четвертый... Но на восьмой нас не выгнали.

– Э-э-э-э, – сказал капитан, – черт вас дерит совсем! Надоели, будьте вы неладны...

Я хотел сказать ему, что и он нам надоел тоже, но не сказал. Мы уже привыкли друг к другу, как родственники.

– Куда ты торопишься? – сказал он мне. – Ну куда? Посмотри на себя: ты ведь совсем цыпленок.

– Ничего, – сказал я браво, – легче маскироваться.

– Э-э-э-э, – сказал он, – надоели! – И вручил нам по пачке розовых повесток: – Чтобы к вечеру разнесли. Все!

– А на фронт? – спросили мы. – Я сказал – все! – крикнул он, багровея, и мы отправились.

Мы ходили по улочкам Сололаки, и по Грибоедовской улице, и по Судебной, и по улице Барнова и спускались за Александровский садик и в переулочки за оперным театром.

В одном из дворов среди низко подвешенных сохнувших простынь и рубашек стояла перед нами еще молодая женщина с большим животом и с мальчиком на руках, и за юбку ее держались две девочки. Все, кто был во дворе, увидев нас, замолчали, поэтому стало очень тихо.

– Кого хотите? – спросила женщина, как будто не расслышала фамилию, которую мы назвали, а сама смотрела не на нас, а на розовую, трепещущую под ветром повестку.

– Мнацаканов Альберт, – сказал я и протянул листок.

– Это мой муж, – сказала женщина. – А что хотите?

– Вы ему передайте и распишитесь...

– Он на заводе... – крикнула она, оглядываясь на соседей.

– Слушай, Офелия, – сказал старик, – бери...

Одной повесткой стало меньше.

Вот так мы ходили по дворам. Месяц, два. Каждый раз мы спрашивали капитана Кочарова:

– Когда же нас-то?

– Вызовем, вызовем, – говорил он резко, – Идите. Все. Надоели...

На улицах появились первые раненые из госпиталей.

Они выбирались погулять, одетые в одинаковые халаты, бригоголовые, перекрещенные бинтами. Бродили по проспекту Руставели, сидели в скверах на лавочках. Мы им завидовали. Патрули их пока не трогали.

Город наполнялся войсками. Помятые грузовики, заляпанные грязью орудия, рваные, мятые гимнастерки на солдатах, офицеры, похожие на солдат. Поползли слухи, что фронт прорван, что в Крыму или где-то в том районе нам пришлось спешно отступить, что было окружение, что многие остались там. А мы разносили повестки, будь они неладны! И наша отчаянная храбрость, и ненависть к врагу, и героизм, который распирал нас, и все наши удивительные достоинства (мои и Юркины) – все это засыхало

на корню.

В один из этих дней появился в нашем доме дядя Борис, младший брат тети Сильвии. От него долго не было известий, и вдруг явился. Он служил водителем грузовика. Я застал его дома, когда он мылся над тазом. На полу валялась его замызганная гимнастерка. В доме пахло потом, бензином, чем-то горелым, невыносимым и восхитительным.

– Что же вы, – сказал я Борису, – взяли и драпанули?

Он ничего не ответил, только отфыркивался.

– Уж, наверное, можно там было где-нибудь зацепиться, что ли, – продолжал я строго. – Испугались, что ли.

– Заткнись, – сказал он, – будь человеком...

И ушел в другую комнату. И там он сбросил с себя оставшееся на нем военное, вытащил из шкафа свой единственный гражданский костюмчик, оделся и пошел из дому. В окно я видел, как он шел по Грибоедовской – медленно, вальяжно, по-тбилиски... Наверное, он надеялся за несколько часов передышки отыскать кого-нибудь из старых своих знакомых шоферов, кто, может быть, еще был в Тбилиси и кто, может быть, уже не надеялся снова увидеть его живым.

Не успел он пройти и двадцати шагов, как я с лихорадочной поспешностью напялил на себя его гимнастерку, галифе, сапоги, пилотку и, распространяя благоухание окопов, выскочил на Грибоедовскую и двинулся к Юрке Папинянцу. Просто так идти не хотелось – я ударил строевым шагом и так строевым прошел до самых Сололак, козыряя военным и счастливо избежав патрулей...

– Что же делать? – сказал я Юрке. – Когда же мы? Города сдают, земля горит...

– Ничего, – сказал он философски, – все будет.

...Бедный капитан Кочаров! Мы все-таки дожали его в один прекрасный день.

– Ладно, – сказал он, еле сдерживаясь, – черт с вами! Завтра придете с кружкой-ложкой. В 9.00.

– А повестки? – спросили мы.

– Бюрократы! – закричал он. – Какие повестки, когда я вам

самим говорю!

Но, увидев наши лица, швырнул розовые листки, отошел к окну и прохрипел оттуда:

– Сами будете заполнять, черт вас дер! Моя рука не виновата, запомните. Сами пишите!

Не было ни военкомата, ни капитана Кочарова, ни стен, ни Тбилиси...

– Послушай, – сказал я Юрке, – я побегу домой, а ты принесишь повестку... Как будто я ничего не знаю.

Я ворвался в дом и сел у окна, посвистывая. Душа ликовала, колени дрожали, на вопросы домашних отвечал невпопад. Наконец в дверь позвонили, и тетя Сильвия пошла открывать. Не помню, что уж там говорили, какие были восклицания, ссорились, или пели, или Юрку Папинянца выталкивали вон, или, наоборот, торжественно несли на руках, не помню. Он, видимо, убежал, а тетя Сильвия вошла в комнату с розовой повесткой в руке.

– Повестка? – сказал я как ни в чем не бывало. – Действительно пора. Засиделся...

– Этого не может быть! – крикнула тетя Сильвия, оглядывая меня с подозрением. – Это ошибка. Тебе только семнадцать... Это ошибка. Я сейчас пойду к военному...

– Нет, – сказал я со страхом, – это не ошибка. Разве вы не видите, что происходит кругом?

– Я в свое время, – сказал дядя Николай, – хотел убежать к индейцам... А ты, мальчик, знаешь, куда ты торопишься?

– При чем тут индейцы? – сказал я и сам удивился, как я это сказал.

– Это ошибка, – машинально повторила тетя Сильвия. – Я должна пойти...

– Тетя Сильвия, – сказал я твердо, – не надо идти в военкомат. Я ведь все равно уже решил, вы же это прекрасно понимаете. Сшейте мне лучше вешевой мешок.

Она заплакала. Розовая повестка, покружившись, улеглась на полу.

...Счастлирое мгновение! Мы с Юркой получили направление в 10-й ОЗМД (отдельный запасной минометный дивизион). Вечером тетя Сильвия и дядя Николай проводили меня до трамвайной

остановки. Трамваи ходили редко, так что я успел все сказать и все выслушать. А потом пришла десятка и повезла меня на вокзал. Я стоял на задней площадке, одетый в серые бумажные брюки и футболку. На ногах моих были старые спортсменки. Редкие пассажиры, наверное, думали, глядя на меня, что мальчик собирается в деревню – менять вещи на продукты... Наверное, они так думали, но я не волновался: я – то знал, кто я такой на самом деле!

Мы встретились с Юркой Папинянцем на вокзале. Наш путь лежал в Кахетию, где размещался наш неведомый и замечательный 10-й ОЗМД. Поезда ходили редко. Вагоны брались с боем. Кое-кто умудрялся ехать на крыше. А мы с Юркой даже не пытались врываться в вагон, а сразу влезли на крышу. Было страшно, но до утра вытерпели.

Мы думали, что увидим большой военный городок, где ряды минометов перемежаются с рядами танков, орудий, броневиков, а увидели райское местечко с двухэтажной школой, где размещались штаб и столовая да жили командиры. А совсем недалеко, на старом винограднике, были разбиты парусиновые палатки, в которых предстояло жить нам, солдатам. Командиры и сержанты – все были люди бывалые, кадровые, а солдатами предстояло стать нам – девятиклассникам и десятиклассникам из Тбилиси. Нас съехалось около ста человек. Кто в чем. Шли дни, а об обмундировании никто не заикался. Единственное, что всем нам выдали, были широкополые шляпы защитного цвета, предназначавшиеся для горных войск.

Шли дни. Мы обучались минометному искусству с раннего утра до позднего вечера.

– Батарея, смиир-р-на! – кричал сержант Ланцов, и вдруг его взгляд упирался в кого-нибудь из нас, ну, допустим, в меня, и он багровел и командовал: – Акаджав, два шага вперед шаго-о-ом марш! (Он никак не мог привыкнуть к моей фамилии, ему все время казалось, что окончание ва должно относиться к женщине.)

И я делал два шпага вперед. И он подходил ко мне.

– Что это вы расхлябанный

какой! – начинал он грозно. – Не выспались?..

Но затем на лице проступала скорбь, и он добавлял тихо и обреченно:

– А ну, подтянись...

Я подтягивался из последних сил, я делал все возможное, чтобы выглядеть солдатом, но что я мог? Бахрома на моих брюках подступала к коленям, от футболки оставались рукава да кокетливый воротник. Нынешние хиппи взяли бы меня за образец, но они тогда еще не родились, а мы торопились на фронт. Поэтому сержант Ланцов махал рукой и отправлял меня в строй.

Затем звучала команда: Шагом марш! Запевай! Мы дружно ударяли босыми ногами в алазанскую пыль, и я запевал:

– Утро красит нежным светом...

Наконец нам раздали настоящие карабины и брезентовые патронные сумки. Был грандиозный праздник.

– Вот видишь, – философски заметил Папинянец, – я же говорил: постепенно все будет...

И действительно, вскоре мы познакомились с настоящими гранатами, и наши командиры кинули несколько в овраг. Запахло порохом. Однажды вечером после отбоя нам всем раздали по две гранаты, и по два запала, и по брезентовому чехлу с двумя кармашками для гранат и с двумя отделениями для запалов.

– Значит, так, – сказал сержант Ланцов. – Граната сама не взорвется, но ежели мы в нее вставим запал, вот так, затем выдернем чеку, вот так, тогда можно бросать...

– А можно не бросать? – пошутил кто-то.

– Можно и не бросать, – с усмешкой сказал сержант Ланцов. – Сделайте все, как положено, отойдите во-о-он туда и положите гранату в карман...

Охотников, разумеется, не нашлось.

– Все поняли? – спросил сержант.

– Все! – крикнули мы нервно.

– Учтите, – добавил он, – запал – штука нежная... А теперь наденьте гранаты на пояс, как положено, и расходишь по палаткам спать.

– Прямо с гранатами?!

– Ага, – сказал сержант, – и

чтоб не вздумали кто снять.

Я лежал на своем матрасе и боялся дышать. Гранаты упирались в бок.

– Юрка, – спросил я едва слышно, – ты не помнишь, если запал отдельно от гранаты вдруг взорвется, она тоже взорвется или нет?

– Не помню, – прошептал он.

– Ребята, – сказал кто-то, – главное – во сне на нее не лечь. Главное – не давить на нее, проклятую...

– Разве она от давления взрывается тоже? – спросил я.

– Кто ее знает, – ответили из темноты, – а лучше не давить...

Прошло еще некоторое время, и внезапно прекрасным, как это говорится, кахетинским утром повели нас в баню, откуда мы вышли обмундированные с головы до ног. Правда, это тоже была не совсем новая форма, и, может быть, маленькая латочка на левом плече моей гимнастерки была на месте, куда однажды ударила вражеская пуля... По все равно мы выглядели настоящими солдатами, нам выдали настоящее оружие, и мы были готовы помериться силами с фашистской ордой, и эшелон увозил нас из райского местечка... Вот так это было.

Я рассказал обо всем этом недавно моему знакомому. Мой знакомый, человек пожилой, серьезный, послушал и сказал:

– Наверное, вы не выдумали... Но ведь время какое было – суровое, тревожное, а у вас все какие-то шуточки, смешочки. Вы лучше как-нибудь об этом иначе рассказывайте...

Я пытался, но ничего не вышло: так умею, так помню.

Ну а потом был фронт, и ранение, и госпиталь, и все, что полагается. А после пришла победа. Но о фронте я рассказывать не буду, ибо о нем так много рассказано в книгах и в кино, что я начинаю путать: что – мое, а что – чужое; что было со мной, а что – с другими. Что же касается победы, то, хотя я и не совершил ничего героического и, наверное, был неважным солдатом, особенно рядом с другими замечательными воинами, все-таки живет во мне уверенность, что без меня победа досталась бы труднее.

ИСТОРИЯ НЕИСТОВОГО ТЕАТРАЛЬНОГО ХУДОЖНИКА, ИЛИ КАК Я «ПОРВАЛ» ПАРИЖ

■ Анастасия ХАТИАШВИЛИ

«Как только поднимется занавес, знайте – поразительные декорации Мурванидзе сведут вас с ума» (Dans Magazine), «Неистовый грузин» (Le Quotidien de Paris), «Декорации «Корсара» можно сравнить лишь с «Шехерезадой» Бакста» (Le Parisien), «Декорации Мурванидзе господствуют на сцене своей яркостью и формами. А в своей иррациональной экстравагантности настолько прекрасны, что стоят выше традиций эстетических понятий» (Le Figaro), «Необыкновенные декорации Мурванидзе зрители всегда встречают оглушительными овациями» (International Herald Tribune), «Роскошь декораций и костюмов Мурванидзе поражают зрителей. Первое действие напоминает полотно Делакруа и Жерико, остальные – похожи на Одилона Редона» (Жан-Мари Куро), «Мы привыкли к стереотипам, когда приблизительно понимаем, что увидим в том или ином спектакле. Но Мурванидзе – исключение. Его «Потемкин», «Витязь в тигровой шкуре», «Корсар» меня удивили. Они не похожи ни друг на друга, ни на то, что я по сей день видел. Мурванидзе утвердил свое место на театрально-декоративном Олимпе» (Морис Бешар), «Художник, который мечтает подарить людям крылья» (Олег Попов)...

Все эти слова сказаны о грузинском мастере, театральному художнику, скульптору, сценографу и живописцу Теймуразе (Муразе) Мурванидзе, которому в мае исполняется 85 лет.

Мы встретились с великим художником в Тбилиси, в его доме, который, скорее, можно назвать «музеем Мурванидзе». В этом уникальном собрании хранятся его избранные работы – поражающие воображение картины и эскизы, афиши удивительных спектаклей, объездивших весь мир и получивших международное признание, фотографии самых восхитительных моментов карьеры, улыбки великих людей – друзей и коллег, его скульптуры, изображающие культовых артистов.

Это место невероятной энергетике и безумного таланта, имя которому – Мураз Мурванидзе.

– *Мураз Давидович, у этого дома, наверное, интересная история?*

– Сначала он принадлежал Воронцову. До того, как он построил «Дом пионеров» – Воронцовский дворец, князь жил здесь. Потом передал его начальнику штабов Закавказья Грязнову (русский военачальник, генерал-майор Генерального штаба, исследователь Закавказья Федор Грязнов, *прим. ред.*). Так что это Грязновский дворец. Потом сюда приехал Солико Вирсаладзе, занял эту площадь. Здесь жили военные, был военный детский

сад. Они переехали в Петербург, в квартиру Вирсаладзе на Театральной площади. А он – сюда. А когда основное здание освободили, Союз художников передал его театральным художникам. И я волею судьбы получил этот дом.

– Сколько ваших работ здесь хранится?

– Думаю, процентов 15 от всего объема. От силы 20. Раньше я был очень безалаберным по отношению к своим работам, оставлял их в театрах, дарил. А сейчас прекратил дарить. И не продаю ничего. Я хочу сделать музей. Если мне помогут и дадут какое-то здание, либо помогут расширяться здесь, тогда я оставлю все музею.

– А когда вы поняли, что не хотите расставаться со своими работами?

– Наверное, после того, как понял, что я что-то значу для этой страны.

– Когда это было?

– Понимаете, я здесь очень мало работал. Я же уехал за границу. Был главным художником Мариинского театра. Работал и в Большом. И в Минск меня звали главным художником. Где я только не работал! Монте-Карло, Рим, Лондон, Нью-Йорк... Много театров поменял. И когда я эту коллекцию собрал, то понял, насколько это значимо для моей маленькой страны – Грузии. Люди будут приезжать и видеть, что вот это было сделано для Метрополитен-опера в Нью-Йорке, это – для Сан-Франциско, это – для Ковент-Гарден в Лондоне, это – для Гранд-Опера в Париже и т.д. Такого музея нет. Это будет единственный в своем роде музей, из которого увозились идеи для лучших театров мира. И самое главное – эти спектакли были названы лучшими спектаклями года. Каждый в своей стране!

– Нас окружают эскизы ваших

работ?

– Конечно! Ну вот, допустим, этот эскиз, который вы видите здесь, превращается в 1000 квадратных метров живописи. Как строится процесс? Сначала карандашные зарисовки. Мысль, потом концепция. Я за режиссера обычно работаю. Мне дают определенную тему – для спектакля музыкального театра или драматического. И я выстраиваю всю канву. Создаю мир – именно для того произведения, именно для того времени и именно для того народа. Приезжая в ту страну, я должен обязательно изучить повадки, привычки и так далее. Я вживаюсь во все это, и тогда у меня получается. Я никогда в жизни не повторялся. Скажем, я что-то сделал в Париже, и меня попросили, давайте, сделаем это и в Германии. Нет, в Германии я буду делать по-другому.

– Даже один и тот же спектакль?

– Да. Он у меня будет разный. А

здесь этого не понимают – такой культуры нет. И я хочу ее привить, чтобы люди понимали, что такое театральная работа. Мне легче сделать три-четыре скульптуры, чем один спектакль. Он отнимает очень много сил.

– *Что вы больше всего любите – живопись, сценографию, скульптуру? Я понимаю, очень сложно ответить, но все-таки...*

– Как вам сказать... У меня любвеобильное сердце.

– *А почему скульптура легче?*

– Потому что это моя концепция, один предмет, и я его создаю. А театр... Театр – это пятьсот костюмов. И примадонны без конца спорят – это им не надо, то не надо. Ужас! И стычки с режиссером все время. А здесь я свободен. Я делаю скульптуру сам.

– *Понятно. Тут вы – сами себе хозяин.*

– Конечно! А живописью станковой я особенно не занимаюсь. Как и салонной живописью. У меня только проекты. В этих проектах – и жизнь, и мысли. Я занимаюсь еще и архитектурой. Вот у меня есть проект «Дом-птица». Его хотели поставить доминантным сооружением в Лазике.

– *Но Лазика так и осталась идеей...*

– Да... А потом мне предложили место в Батуми, но – между домами. Но это – вольная птица, которая должна символизировать свободу, полет. Должна стоять на пирсе, лицом к морю. Так что этот проект ждет своего заказчика.

– *Парк Мтацминда – тоже ваша работа.*

– Да, наш детский город на горе. Бомбора – мой чувачок, любимый мультгерой, любимый детьми и взрослыми. Мое детище, мой сын. Как и кассы, и скульптурные дома, и площадь парка. И Бомборка там спит. Он огромный. Когда мы закончили эту скульптуру, вчетвером вошли внутрь и опрокинули по рюмочке.

– *Мураз Давидович, вам исполняется 85 лет. Солидная дата. Как вы ее ощущаете?*

– Вы знаете, какая-то несуразица: восемьдесят пять, а считаешь себя тем же, кем и был. Молодым.

– *Ничего не меняется?*

– Абсолютно. Хотя физика меняется, конечно. Но остальное – творчество, работа – нет.

– *С возрастом не становитесь разборчивее в заказах?*

– Мне и так заказывают крайне редко. В Грузии меня не очень жалуют. Министр культуры Тея Цулукиани – первый человек от правительства, который ко мне обратился и лично пришел. Я никогда никого не звал, никогда не относился ни к какой партии. Я вообще как считаю? Вот у меня друзья – один за Саакашвили, другой – за другого. А я им говорю: вы значимые люди, вы сделали себя, все вас знают. И в Советском Союзе знали, и здесь знают. Некоторых даже за границей знают. Вы нужны им, а не они вам. Они должны понимать вашу значимость. А если не понимают, значит, они – никто. Они должны знать и собирать вокруг себя значимых людей. Тогда жизнь становится лучше, тогда будет прогресс. Но пока этого нет. Вот я сижу – и ко мне никто никогда не обращался. А за границей как? Там же самое главное – успех. Если ты приносишь успех, то это и материальный успех. Меня там называли «неотложкой», «скорой помощью». Если спектакль не получался, то обращались ко мне: я все разбирал, делал заново, и обязательно был успех. Не помню, чтобы у моего спектакля не было успеха.

– *Над чем сейчас работаете?*

– С легкой руки нашего министра мне доверили Кутаисскую оперу – расписать занавес, интерьер и кое-что другое.

– *Батоно Мураз, вы работали во многих странах: России, Канаде, США, Великобритании, Франции, Польше... Где вам работалось лучше всего?*

– В Петербурге. Мариинский театр – мой самый любимый театр. Помню, режиссер, театровед Александр Белинский выразился так: «В Ленинградский Кировский театр пригласили художника Теймураза Мурванидзе. Через некоторое время Ленинградский Кировский театр превратился в Санкт-Петербургский Императорский Мариинский театр. А когда он ушел из театра, Императорский Мариинский театр вновь превратился в Ленинградский Кировский».

– *Почему ушли?*

– Кто-то из моих соратников ответил мне небрежно, стоя боком. Значит, все, конец.

– *А как попали в Мариинский?*

– Вообще мне Петербург нравился больше, чем Москва, хотя в Москве у меня было больше друзей. А сам Мариинский театр очень меня грел. Я мечтал о нем. Естественно, не предпринимал никаких вылазок, чтоб мелькать на глазах, ни о чем не просил. Никогда в жизни подобным не занимался. А попал туда совершенно случайно. Мы в Тбилиси с Мишей Лавровским сделали балет «Ромео и Джульетту» и отпечатали декорации на программке. Через некоторое время здесь был съезд балетмейстеров-репетиторов. Они пришли на этот спектакль, а потом увезли с собой программки. Мариинский собирался тогда ставить «Витязя в тигровой шкуре». И меня пригласили оформить спектакль. Там такая история произошла... В то время из Мариинского-Кировского театра гнали главного балетмейстера Олега Виноградова. Вместо него призвали талантливого балетмейстера Игоря Чернышева. И вот Чернышев приезжает сюда, я вожу его по Грузии, рас-

сказываю, как вижу «Витязя». Он уезжает. И вдруг он что-то там набедокурил, его выгнали, Виноградов вернулся, взялся за эту тему и приехал в Грузию. Я много чего придумал для Чернышева, но Виноградову представил уже абсолютно другое видение спектакля. Грандиозный получился спектакль. Он получил Премию Пикассо. В Париже стоял ор. Как писала одна газета: «Мурванидзе порвал Париж». Потом я сделал «Броненосца Потемкина», «Корсара», и мы на два с половиной месяца уехали в Париж на гастроли. В программе было 5-6 наименований, среди которых три моих спектакля. Такой прессы я ни о ком никогда не читал. О нашем триумфе писали Le Figaro, Paris Match и многие другие газеты и журналы.

– Мураз Давидович, вы знали многих интересных людей, дружили с легендарными личностями. В ваш ближний круг входил и Мстислав Ростропович. Расскажите об этой дружбе.

– Предыстория. Образовалась Всемирная музыкальная ассоциация с штаб-квартирой в Монте-Карло. Собрали такой состав: президент Иегуди Менухин, музыкальный руководитель Мстис-

лав Ростропович и директорат – одиннадцать человек во главе с главным режиссером Дзеффирелли и главным художником – мною. Нас назвали музыкально-футбольной командой мира. Учреждение Ассоциации приурочили к юбилею евангелизации США. Мы летали с концертами и музыкальными спектаклями по всей Европе. У нас был 12-местный самолет, на котором мы летали со Славой Ростроповичем и его балалайкой – так я в шутку называл его виолончель. Тогда его инструмент был застрахован на два миллиона. Я часто говорил Славе: вот распишу твою балалайку, будешь выносить ее на сцену и говорить, что ее расписал Муразка (он так меня называл), и, наконец-то, прославишься! Кстати, я, правда, начал ее расписывать. Однажды мы были в Риме. Наши номера располагались рядышком. Он вкатил ко мне в номер свой инструмент в белом футляре на колесиках, уложил на диван, а сам уехал на четыре дня. Я воспользовался моментом: позвонил в Римскую оперу, попросил инструмент, мне его через час принесли, и я стал его расписывать. Слава вернулся раньше на один день. Входит в номер и

видит: я сижу и расписываю виолончель... И тут он изобразил, что ему якобы стало плохо от увиденного, и свалился на кровать. Но сыграл плохо! Плохой из тебя актер, сказал я. И подарил ему расписанную мною виолончель. После его кончины я как-то спросил Галину Вишневскую: «Галочка, а где моя балалайка?». А она говорит: «Я ее даже не видела». По видимому, он подарил ее какой-то даме. Кстати, на одном из фрагментов на инструменте были изображены я и Вишневская в фильме «Галина». Дело было так. Как-то она звонит мне в Петербург: «Мурзик! Ты мне друг или нет?» – «Галочка, конечно, друг». – «Тогда соизволь быть завтра в казематах Петропавловской крепости. Французы снимают обо мне фильм. Он, естественно, называется «Галина». Я пою и изображаю молодую Гретхен. За тебя поет Рейзен, и ты изображаешь Мефистофеля». На что я ответил: «Галочка, вообще-то по натуре я Фауст. Но чего не сделаешь ради друга!» Был еще один известный случай: в США справляли юбилей великого скрипача Айзека Стерна. Концерт вел Грегори Пек. Слава должен был выступать. И вот он, как настоящий хулиган, начал думать, как Стерну подсолить. И заказал себе балетную пачку. Никто этого не знал. Он вышел на сцену огромного Карнеги-холла в пачке, блузке, трико и диадеме на голове, сел и как ни в чем не бывало сыграл. Изумительно сыграл и ушел. В зале был ор. А Стерн обиделся, потому что вся пресса писала только про Ростроповича, а про Стерна и его юбилей – ни слова.

– Да уж, Ростропович был великий шутник. А ведь вы с ним еще и в тюрьму попали?

– Почти. Мы со Славой были во Франкфурте, на фестивале. Он – музыкальный руководитель, я – главный художник фестиваля. Пообедали, хорошенько выпили. Вышли, смотрим, на остановке стоит афроамериканка ну с очень пышными формами. И он мне вдруг говорит: ущипни, я тебе столик дам. А я ему: ты ущипни, дам двести. Он и ущипнул. Естественно, получил по голове сумкой. Крик, шум! И нас взяли.

– И когда отпустили?

– Мы посидели часа два. Потом

Слава попросил разрешения позвонить. И позвонил бургомистру Франкфурта. Приехали за нами две-три машины. Лимузин, целое дело! Ворвались в участок. Полицейские обалдели. Нас вытащили и увезли. И мы в ратуше продолжили трапезу. Да, много у нас было таких историй. О некоторых даже не расскажешь...

– Мураз Давидович, нужно писать мемуары. Не думали об этом?

– Я пишу.

– Давно?

– Сесть и сходу написать не получается. Я иногда что-то вспомню – запишу. Не всегда получается перечитать написанное. В этом отношении у меня рваный ритм. Много работы, много замыслов. Хочу многое успеть, сделать, оставить. В папках на моих полках нескончаемое количество идей, идей, идей.

– И их хочется воплотить в жизнь...

– Да. Но еще больше хочется, чтобы нашелся человек, который вложил бы в это деньги – я бы все ему оставил. Мне же ничего не надо: одеваться не надо, машина у меня есть, дачи нет и не надо, потому что я никуда не уезжаю. Деньги не нужны. Я бы просто делал, делал, делал. Ведь все это отливает – колоссальные деньги. Один килограмм бронзы стоит 70 лари, представляете? А проектов у меня много! Архитектура, какие-то сумасшедшие замыслы...

– А театр?

– Уже нет. Я очень много времени потратил на театр.

– Слишком трудоемкая работа?

– Очень. Я не могу делать больше двух спектаклей в год. Знаю одного питерского художника, хороший, интеллигентный человек. Его фраза: «Теймураз, вы все-таки штучный художник, а я серийный». Он за одну ночь может сделать два балета со всеми костюмами. А я – нет. Я в библиотеках сижу, материалы изучаю...

– То есть вы, работая над спектаклем, проводите целую исследовательскую работу?

– Конечно. На протяжении нескольких месяцев. Никто так не работает.

– У кого вы этому учились?

– Наверное, дома, в семье. Я рос без отца, он погиб на фронте, но дедушки и бабушки были очень образованными. Мама – пианистка, работала на двух работах, я ее редко видел. Дедушка писал книги по математике, мы в начальной школе по его учебникам учились.

– Вы помните своего отца?

– Я помню, как он уезжал. Это было в Телави, на площади. Папа родом из Телави. Мне – три года. Отцу – тридцать. У него была готова кандидатская диссертация по биологии. Он держал меня на плечах. Я любил сидеть у отца на плечах, сверху все хорошо было видно. Помню, как он целовал мои ножки. А потом передал меня маме. Я начал реветь, потому что вниз мне не хотелось. Он сел на коня и махнул рукой... Я хотел сделать скульптуру – я, он, расставание. Но не могу придумать композицию. Не вижу ту, которую хочу. Это единственное,

что мне пока не удалось... А хотелось бы сделать, отлить и подарить Телави.

– А кто в вашей семье рисовал?

– Мой прадед. Он служил в Преображенском полку и, кстати, рисовал карикатуры на однополчан. Дядя, брат моего отца, тоже рисовал. Он был анималистом. И вот потом начал я.

– Вы росли в творческой среде?

– Дедушка очень хорошо пел и был знаком со всеми певцами. У нас дома был музыкальный салон. Резо Лагидзе, все известные композиторы постоянно бывали у нас. Мама аккомпанировала, дед пел. Вся улица у нас собиралась. Так что любовь к музыке зародилась дома. Но я все время что-то рисовал, рвал карандашами бумагу. Серьезно к этому не относился. Любил конструктор, хотел быть авиамоделистом-изобретателем. Но с математикой, увы, опозорил дедушку. Плохо учился. Поэтому пошел на легкое дело – решил поступать в Академию художеств. Нарисовал на экзамене с натуры голого мужчину, и этот рисунок, наверное, десять с лишним лет висел в Академии как образец для абитуриентов. Ректор Серго Кобуладзе поставил мне «пять». Я, кстати, как-то попросил найти этот мой рисунок в фонде, чтобы повесить у себя на стене, в рамочке. Пока не нашли.

– Чем вы еще увлекаетесь, помимо искусства?

– Мое слабое место – дети. Вот они идут, щебечут, и я должен обязательно подбежать, приласкать их, поговорить с ними. Кстати, когда мне позвонил Ба-

дри Патаркацишвили и предложить стать главным художником парка Мтацминда, я бросил все. Меня звали главным художником в Большой театр, причем дважды. А я принялся за этот проект. Мы должны были сделать 72 гектара, аж до Цхнети. У меня была уйма замыслов. Я связался с детским психологом – потому что если я чем-то занимаюсь, то занимаюсь серьезно. Консультировался со специалистами, какие скульптуры создать, чтобы дети не испугались открытых пастей, а, наоборот, полюбили бы животных, природу. Это серьезная, огромная работа. Можно превратить в диссертацию. Проработал я там около трех лет. Потом Бадри убили, а меня выгнали. На этом дело и закончилось.

– Вы собирались стать мэром Тбилиси...

– Боже упаси! Это самое ужасное время моей жизни! Но я не смог отказать Саломе...

– Вас об этом просила Саломе Зурабишвили?

– Саломе, по-видимому, обратилась ко мне, потому что я дружил с ее супругом, отличным парнем. Естественно, консультантом я бы пошел. Бесплатно. Я точно знаю, где в Тбилиси надо сделать эстакаду, где монорельс и так далее. Я все объездил. У меня все расчерчено. Мои

кровеносные сосуды соединены с этим городом. Поэтому, кстати, я сейчас и заперся – безобразия, которое сейчас происходит в нашем городе, может меня убить. А тогда я объяснял Саломе: это не мое дело, я не могу, ни в коем случае. А она: «Да это просто формально! Я считаю, что ты должен быть рядом со мной». И вот она как-то пришла ко мне. Было 15 мая, а 16 мая – последний срок. И говорит: «Я потеряла мужа. Он был твоим другом. Если бы случилось наоборот, разве твой друг не поддержал бы твою супругу?» У меня потемнело в глазах, и я сказал: «Хорошо». Надо было выступать по телевидению, и журналисты все время спрашивали: почему вы хотите стать мэром? Я, естественно, не раскрыл истину. Отвечал так: «А кто вам сказал, что я хочу? Я просто хочу познакомиться со всеми кандидатами, потому что все мы хотим, чтобы город выглядел лучше, чтобы жизнь города стала лучше, чтобы была красота, чистота. И чем нас больше, тем лучше». А почему вы не встретитесь с электоратом, спрашивали меня журналисты. Я отвечал: «Потому что не умею врать». Потом, как это у нас принято, все злорадствовали, что я проиграл. Везде совок, везде одинаково. Так что история с мэром – самый жуткий анекдот. Я перечеркнул эту часть моей биографии и стараюсь ее не вспоминать.

– Тогда давайте вспомним об артистических родственниках. Вашим тестем был Котэ Махарадзе, тещей – Медея Чахава...

– А еще была «запасная» теща – Софиико Чиаурели. Я дружил и с Верико Анджапаридзе. Она меня очень любила. Когда я приезжал из Питера, всегда заходил к Верико, мы пили чай на балкончике, и я рассказывал про разные интересные встречи. С кем я только ни дружил! С Олегом Стриженовым, с Васей Лановым, с Васей Ливановым, даже жил у него дома.

– С Беллой Ахмадулиной и Борисом Мессерером...

– Однажды они приехали ко мне в гости. Мы жили тогда в Дидубе, в трехкомнатной квартире. У меня было три холодильника – один, большой, для всех, второй, поменьше, для детей и тре-

тий для меня, на балконе, там стояла коллекция моих напитков – лимонная, тархунная и всякая другая водка, разноцветные бутылочки. Я усилил освещение, сделал дополнительные лампочки. Открываешь холодильник – как мозаика, как витраж. Пришли Боря с Беллой. Я позвонил Борю, открыл холодильник. А он: «Ах! Это же хрустальная мечта моего детства!» Потом, через некоторое время, Боря мне звонит: приезжай, теперь и у меня появилась хрустальная мечта моего детства. А Белла хотела посвятить стихотворение мне и моим черным парусам, декорации, которая была выставлена в Московском Манеже. Но так и не написала...

– Белла, правда, была неземной женщиной, не такой, как все?

– Естественно. Когда она общалась, говорила, это было явление. Непонятное... Борька однажды, пьяный, приревновал Беллу ко мне. Белле от него тогда попало, а ему потом попало от меня.

– Весело жили! А с Параджановым вы были знакомы?

– Знакомый?! Мы дружили! Интереснейший был человек.

– Человек-праздник?

– Именно. Мы познакомились в опере, там у меня был какой-то спектакль, он меня пригласил к себе. Я пришел. У него во дворе фонтанчик. Он сидит, а в фонтанчике – свинья, и он ее расписывает гуашью. Она: хрю-хрю. Довольная, ей нравится.

– Прямо кадр из фильма.

– Готовый фильм. И он дал мне вторую кисть – расписывать. Таким было наше знакомство. Однажды в «Санкт-Петербургских ведомостях» вышла большая статья о том, «как мы с Параджановым через решетку кутили». Наши арестанты имеют такую традицию: прежде, чем поехать к себе домой, сначала они должны заехать ко мне. Как-то раз слышу – сигналит. Выглядываю – зеленый «москвич» приехал, какой-то авлабарский воришка, что ли. О, смотрю, Серго! Я вынес складные стулья, вытащил бутылку, закуску. А у меня дом окружен решеткой. И вот Параджанов сел по одну сторону решетки, а по другую – я. Так и кутили. Он говорит: как хорошо ты смотришься за решеткой! Це-

лый спектакль.

– Вас связывала горячая дружба и с Вахтангом Кикабидзе.

– Мы были неразлучны, как двойняшки. Везде и всегда вместе. Один раз сидим за столом, он рисует что-то на салфетке. Я вижу – гроб. А в гробу дырочка. Спрашиваю: «Что это?» – «Не видишь? Гроб». – «А дырка?» – «Это чтобы дым от моих сигарет тебя не беспокоил». Значит, мы вместе должны были в гробу лежать...

– Вы любите своих друзей и умеете дружить. Больно, когда друзья уходят...

– Очень. Я просыпаюсь – и у меня слезы. Бубы нет. Столько слез я не проливал никогда, за всю свою жизнь. И так каждый день. Мы с ним превратились в одного человека. Такая дружба у меня была со Славой Ростроповичем, с Темиркановым и с Бубой. Были, конечно, друзья детства. И во многих я души не чаял. Но когда люди и интересные, и талантливые, и живые, и твои, когда вас соединяет нечто незримое, да так, что не разорвать – такое редко случается... А здесь было полное слияние. Правда, во всем, кроме политики.

– Не могу не спросить про ваших детей.

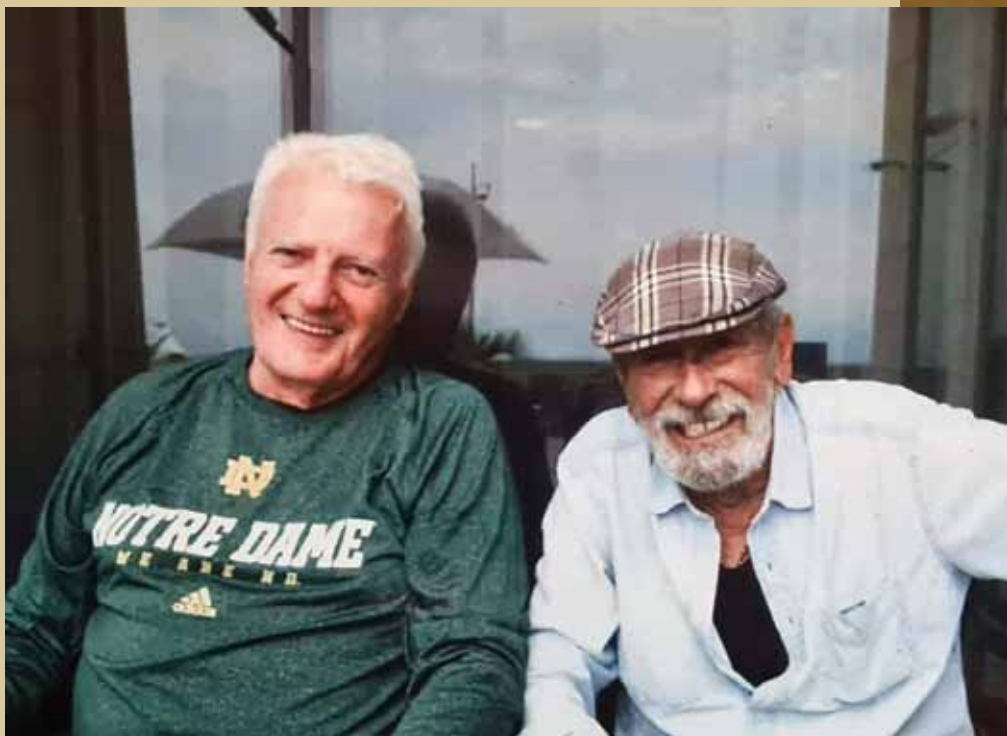
– Дети у меня талантливые. Хоть я их редко вижу, но люблю. Я занят, они заняты... У меня три дочери. Старшая, Тея, очень успешно работает в ГПИ по международным связям. Средняя, Нато, актриса театра и кино, обладательница «Азиатского Оскара». Младшая, Анука, известный визажист. Четверо внуков: Дата – успешный режиссер, Бека – бизнесмен, Мува работает музыкальным оформителем в Театре Королевского квартала, младшая – актриса Маню Тавадзе, сейчас играет в Новом театре в спектакле «Король Лир» Давида Доиашвили роль Корделии, как ее мама когда-то на сцене Театра Марджанишвили.

– Мураз Давидович, а у вас есть любимые композиторы, художники?

– У меня нет любимых композиторов, любимых писателей, любимых художников.

– То есть кумиров у вас нет?

– У меня все кумиры. Потому что я преклоняюсь перед талантом.

С Бубой Кикабидзе

Художники меня все время зовут на выставки, потому что знаю, я – единственный, кто будет искренне рад какому-то свершению. Это не мое свершение, но его увидят наши дети, оно украсит нашу жизнь, быт, страну. Поэтому я преклоняюсь перед этими людьми.

– Можете назвать самых значимых театральных художников?

– В музыкальном театре, я считаю, это Вирсаладзе и я. В Советском Союзе.

– Вы не конкурировали?

– Он конкурировал со мной. Злился на меня. Не допустил меня в Большой театр, когда меня вызвали туда работать. Но я, честно говоря, ему благодарен. В свое время я в этот самый дом врывался силой (он один раз даже полицию вызвал!) – хотел посмотреть, как этот мэтр работает. Я выкачал из него то, что мне было нужно. Сначала я «под него» работал, и наши работы даже путали. А потом для меня открылся мир, я нашел себя и начал работать по-другому. Но он, конечно, был великий мастер.

– Про вас часто пишут, что вы развили лучшие академические традиции мастеров грузинского и русского театра до яркой новаторской изобретательности. Как вы думаете, что конкретно имеется в виду?

– Не знаю. Может, то, что я очень тонко чувствую время. При этом я – не модный художник. Когда мне дают спектакль, я никогда не работаю с режиссером. Я сам все делаю, сам создаю мир. Повторяю: уникальный мир для каждого театра, для каждой страны.

– А почему не работаете с режиссерами? Они навязывают вам свой мир?

– Да, свой мир, который всегда проигрывает. Однажды мне предложили одну проигрышную тему – «Корсар». Балет, который от силы идет на сцене лет пять, и потом его каждый раз снимают. Олег Виноградов, зная, что эта проигрышная тема и постановка Петипа, сказал мне: давай, солируй! И ушел. Естественно, два с половиной месяца я работал в библиотеке. Сделал «Корсара». Сколько лет, по-вашему, шел мой «Корсар»?

– Ммм... Лет пятнадцать?

– Тридцать семь. И всякий раз, когда моя Мариинка выезжает за границу, спрашивают: «Корсар» будет? Этот спектакль познакомил со мной весь мир.

– Невероятно! Мураз Давидович, огромное спасибо за разговор. И, напоследок, как вы называете ваши мемуары?

– «Я».

КРАСНЫЕ ЛИСТЬЯ ГОМБОРИ

Из новых стихов

■ Михаил СИНЕЛЬНИКОВ

В 1971 году я впервые приехал в Тбилиси. Впечатления были потрясающие. Я бы сказал, что застал вечер Тбилиси. Но это была еще не глухая ночь. Я видел там удивительных людей, удивительных писателей. Я застал закат. Но роскошный....

Те, кого я любил, уже превратились в мемориальные доски на стенах своих домов.

Я вот могу выйти на трап самолета и воскликнуть: «Где Ираклий? Где Анна Каландадзе? Где Григол?». Нет того уровня людей – ни там, ни тут.

А тогдашняя жизнь была чудом. Потому что Пастернак был близким другом Тициана Табидзе и Колау Надирадзе. Борис Леонидович мог, после того, как его разгромила центральная власть, приехать в Тбилиси и жить у Колау. Потому что Тихонов был настоящим братом Леонидзе. Это были настоящие братские отношения. Они не сводились к переводам. Это были отношения поэта и поэта.

Это была та Грузия, которую я полюбил навсегда.

Вскоре в петербургском издательстве «Алетейя» выйдет моя обширная книга «Красные листья Гомбори», всецело посвященная Грузии. Войдут в эту книгу мои довольно многочисленные стихи, вдохновленные грузинским колоритом, избранные переводы (образовавшие подобие собственной антологии – более сорока авторов разных веков), несколько статей, мемуарных очерков, новелл и повесть о приключениях в Хевсуретии.

ГАЛАКТИОН

А ведь настолько невзлюбил собратьев,
Уж так их презирал, что напоказ,
Давно брезгливость прежнюю утратив,
Мог выпивать с расстрельщиком не раз.

Потом с усмешкой слышал разговоры.
Грустил об Ольге и не прятал слез.
В ломбард однажды после пьяной ссоры
Пиджак с высоким орденом отнес.

Все снился голос предрассветно-ломкий,
И в двери стук, и револьверный ствол.
Он все собрал и, завязав тесемки,
Две пухлых папки положил на стол.

В одной – «Стихи», в другой – «Стихи для этих»;
По толщине одна другой равна.
И знал, что будет жить в тысячелетях,
В них вывалился, прыгнул из окна.

ИРАКЛИЙ

В мой сон через метель утрат
И декорации спектаклей
Пришел поэт-лауреат,
Герой труда и друг Ираклий.

Ну, да, при нем я не тужил
В безумстве жизни, шедшей кругом,
И переводчиком служил,
И был советчиком и другом.

Он едок был и так угрюм,
Но широка была натура,
Любил я этот хищный ум,
Меня угадывавший хмуро.

Вот входит через много лет,
Такой суровый и бывалый.
Еще с лица не стерся след
Времен террора и опалы.

И вспыхнули в душе моей
Года его карьеры ранней –
И разрушение церквей
И неуклонность покаяний...

И в сердце – юный непокой,
Как будто жизнь еще в начале,
И долгий разговор такой
С тем, кто на звездной Ортачале.

* * *

Привык я пить вино,
Внимая их рассказам.
От бывшего давно
Ум заходил за разум.

Бурлили в той дали
Пиры все изобильней,
А судьбы протекли,
Как виноград в давилльне.

За семинарский бред
И матери побои
Им всем держать ответ
Пришлось перед тобою.

И уточнялся счет,
Как схимника минея,
А время все течет
И все поет, пьянея.

Все заплатил сполна
Тот город под горою,
И полная луна
Стояла над Курою.

* * *

Изнуренный ненужной интригой
Уходил я в иные круги,
Где кричали попутчики: «Прыгай!»
И велел провожатый: «Беги!»

Я, изведав отвагу и негу,
Над провалом бежал по бревну,
И, скатившись по вечному снегу,
Прожил жизнь за минуту одну.

Пусть в долины пришлось возвратиться,
Но уже до скончания дней
Этих горцев гранитные лица
Над дорогой склонились моей.

И ничто эти страсти и страхи
Перед ведьмой, во мраке ночном
Освещенной коптилкою пряжи
И с проклятием рвущейся в дом.

* * *

И Маяковский, бормотавший что-то,
Когда его зарезав без ножа,
В любви соединялись два сексота
И хаяли, на привязи держа.

Кляли его, и становился тише,
Пока совсем в стенаниях ни стих
Теперь пригодный только для афиши
Тонический имеретинский стих.

Он жалок был, но в недрах сокровенных
Его души, во мгле его тоски
Вращались очертания вселенных,
Пылающих миров материка.

ТИФЛИССКОЕ

Д. Кондахсазовой

И там корзины с виноградом
Кинто в руках носили на дом,
Взвалив на плечи бурдюки...
Сион и кирха были рядом.
Затем, от них недалеко,
Армянский храм и синагога,
Мечеть суннитов... Выбери!
Различные жилища Бога,
А здесь земной тифлиссский рай.
Жаль, Сталин невзлюбил шиитов,
Он их узорную мечеть
Из бирюзы и лазуритов
С лица земли велел стереть.
Потом сатрап, опившись чачей,
Разрушил славный мост Ишачий.
А ведь когда-то – не совру! –
Там Лермонтов, с ревнивым князем
Борясь, его швырял то наземь,
То прямо в буйную Куру.

Застал в прощальном запустенье
Я этот город, но зато
В мой сон еще врывались тени
Вдогонку мчавшихся кинто.

СТАРО-ГРУЗИНСКОЕ

И две грузинские красавицы –
Одна брала подругу под руку –
Прогуливались, где понравится,
И снились старику и отроку.

При Николае и при Берии
Тянулись шествия державные,
Но оттеняли гнет империи
Прогулки эти своенравные.

И, отлетая в холод Севера,
Смущая сон Великороссии,
Звучали шелестенье веера
И пения многоголосие.

* * *

Улицы эти – подъемы и спуски,
В тучах луна,
В этих дворах разговор не по-русски,
Запах вина.

Хоры, танцоры, горластые дети,
В дымке холмы.
Припоминанье о пламенном лете
В буднях зимы.

Бедность и бред старика-живописца,
Прелесть швеи,
Праведник, с властью решивший погрызться,
Ветра струи.

Скука сатрапа, блаженство гуляки,
Споры, пиры
И ожиданье подруги во мраке
После игры.

Гул декламации в недрах подвала,
Эти года
Жизни в легенде... Как это пропало?
Скрылось куда?

ГОМБОРИ

В странах кунжута и риса
Все-таки не позабудь
Осень в краю Диониса,
Красный в Кахетию путь.

К селам, что радостным винам
Дарят свои имена
И, проходя по долинам,
Воздух поит допьяна.

Путь оборвется, и вскоре,
Но посылаются вслед
Красные листья Гомбори
Из убегающих лет.

Братская могила воинов 414-й дивизии

КРЫМСКАЯ ВЕСНА-1944

К 80-ЛЕТИЮ ОСВОБОЖДЕНИЯ КРЫМСКОГО ПОЛУОСТРОВА

■ Ладо ТАВАДЗЕ

За год до того, как сержант Мелитон Кантария водрузил над поверженной гитлеровской столицей Знамя Победы, тысячи его земляков были представлены к наградам за участие в одной только операции – Крымской наступательной. Она проводилась 80 лет назад с 8 апреля по 12 мая 1944 года войсками 4-го Украинского фронта (генерал армии Федор Толбухин) и Отдельной Приморской армии (генерал армии Андрей Еременко) во взаимодействии с Черноморским флотом (адмирал Филипп Октябрьский) и Азовской военной флотилией (контр-адмирал Сергей Горшков). Операцию,

которая завершилась полным освобождением Крымского полуострова, координировал начальник Генерального штаба РККА маршал Советского Союза Александр Василевский. А участие в ней, в частности, в штурме Сапун-горы солдат и офицеров 414-й Анапской стрелковой дивизии остается самой яркой страницей участия грузинских формирований в Великой Отечественной войне.

За годы войны было создано 66 национальных воинских формирований, в том числе, 26 стрелковых и горнострелковых и 22 кавалерийских дивизии, 18 стрелковых бригад. Из этого числа девять

дивизий были грузинскими. Уже по присвоенным им почетным наименованиям можно определить вехи их героического пути: 9-я горнострелковая дивизия именовалась Краснодарской, 414-я стрелковая – Анапской, 276-я стрелковая – Темрюкской. Всего по итогам Крымской операции 160 соединений и частей получили почетные наименования Евпаторийских, Керченских, Перекопских, Севастопольских, Сивашских, Симферопольских, Феодосийских и Ялтинских.

Когда Красная армия подступала к Крыму, в декабре 1943-го, Гитлер говорил своим генералам: «Мы обязаны оборонять

Таким был Севастополь весной 1944-го

Крым, этот второй Сталинград, пока это вообще допустимо... Я считаю самой большой бедой потерю Крыма». Он опасался, что эта потеря приведет к выходу из войны германских сателлитов Румынии и Болгарии и повлияет на поставки из Турции необходимых материалов, таких, как хромовая руда.

А знаменитый британский журналист-аналитик Александр Верт, находившийся в СССР во время войны в качестве корреспондента, писал по этому поводу: «Решимость Гитлера любой ценой удержать Крым, хотя вся Украина к северу от Крымского полуострова находилась уже в руках Красной Армии, была продиктована его обычными политическими и экономическими соображениями; но теперь к этим соображениям добавился еще всякий сентиментальный вздор относительно того, что Крым якобы является «последней крепостью готов»».

Осенью 1943 года советские войска, прорвав укрепления на Перекопском перешейке, захватили плацдарм на южном берегу залива Сиваш и расширили плацдарм в районе Керчи. В Крыму оказалась блокирована, но готовилась обороняться, 17-я немецкая армия в составе пяти немецких и семи румынских дивизий – всего около 200 тысяч человек, более трех с половиной тысяч орудий и минометов, 215 танков и штурмовых орудий, около 150 самолетов. Удерживая Крым, немцы создавали угрозу тылам советских войск на правобережной Украине и прикрывали свой балканский стратегический

фланг с морскими коммуникациями от проливов к портам западного побережья Черного моря и вверх по Дунаю.

Подготовка Крымской наступательной операции началась в феврале 1944-го, начать ее предполагалось уже в 18-19 числа этого месяца. Но потом срок неоднократно переносился – и из-за погоды, и с целью увязать наступление в Крыму с активными действиями на направлении Херсон-Николаев-Одесса. Замысел состоял в том, чтобы нанести одновременный удар общим направлением на Симферополь и Севастополь, расчленив и уничтожить группировку противника, не допустив ее эвакуации.

Утром 8 апреля после пяти дней артиллерийской подготовки на южном берегу Сиваша за двое суток была прорвана обо-

рона противника на Перекопе и одновременно освобождены Армянск, Джанкой и Керчь. На всех направлениях развернулось преследование вражеских войск, отходивших к Севастополю. 13-15 апреля были освобождены Евпатория, Симферополь, Бахчисарай, Алушта и Ялта. Сухопутная оперативная группировка включала 30 стрелковых дивизий и две бригады морской пехоты (470 тысяч человек, около шести тысяч орудий и минометов, 559 танков и самоходных орудий, 1250 самолетов). В составе Черноморского флота и Азовской флотилии были линкор, четыре крейсера, шесть эсминцев, 47 торпедных и 80 сторожевых катеров, 29 подводных лодок. Организованные партизанские силы в Крыму объединяли 4 тысячи человек.

Вся операция 4-го Украинского фронта планировалась на глубину до 170 километров, продолжительностью в 10-12 суток со среднесуточным темпом наступления 12-15 км. После двух неудачных попыток прорыва и перегруппировки перешла в наступление 2-я гвардейская армия. 7 мая при поддержке всей авиации фронта начался решающий штурм. Ударные силы прорвали оборону противника на девятикилометровом участке и овладели Сапун-горой. 9 мая войска с севера, востока и юго-востока ворвались в Севастополь. Остатки немецкой 17-й армии отошли на мыс Херсонес, где были окончательно разгромлены. Только на мысе было взято в плен более 20 тысяч солдат и офицеров

Карта наступления Красной армии на Крым

Штурм Сапун-горы. Часть диорамы

противника, а в целом за 35 дней операции потери 17-й армии превысили 140 тысяч человек. Советские войска и силы флота потеряли почти 18 тысяч убитыми и 67 тысяч ранеными.

По мнению многих историков и военных специалистов, штурм Сапун-горы 7-8 мая стал самой грандиозной рукопашной схваткой в истории не только Второй мировой, но и вообще всех войн человечества. Длился он девять часов и во многом определил падение самого Севастополя. Сапун-гора – доминирующий над окрестностями холм высотой около 240 метров, с крутыми юго-восточными склонами и с отлогим спуском на север и северо-запад. То есть, у гитлеровцев исходно было существенное ландшафтное преимущество.

Район Сапун-горы обороняли две германские пехотные дивизии и часть румынской горнострелковой дивизии. Они постарались превратить эту господствующую высоту в неприступную крепость – оборонительные сооружения опоясывали ее в шесть ярусов. Были созданы две оборонительные позиции по несколько траншей в каждой, огневые точки – практически за каждым естественным укрытием. Не помогло...

После себя немцы оставили руины. Около трехсот промышленных предприятий было разрушено, почти весь скот уведен, города лишились большей части жилых домов. 127 населенных пунктов были полностью унич-

тожены. Но вот что интересно: кое-что не подлежало ни вывозу, ни уничтожению. В одном из приказов по германской армии значилось: «Алкогольные напитки не уничтожать, а оставить русским. Практика показывает, что, когда они захватывают такие трофеи, их наступление замедляется». Думается, не надо объяснять, что стоит за таким приказом.

Знамя Победы над Сапун-горой водрузил Иван Яцуненко. В этот момент рядом начали рваться мины, и контуженный боец потерял сознание. Однополчане, которые это видели, решили, что он погиб. Вынули из кармана жетон с фамилией и адресом... Так Яцуненко попал в списки павших. Его имя было высечено на обелиске, установленном на вершине горы после освобождения города. А знаменосец выжил. Более того: придя в себя, он еще сражался на улицах Севастополя, но снова был ранен в боях на мысе Херсонес и попал в госпиталь. Потом освобождал Европу, а после войны вернулся в Крым и работал шофером и механизатором в Джанкойском районе.

Прославившаяся при освобождении Крыма и, в частности, при штурме Сапун-горы 414-я грузинская стрелковая дивизия была сформирована в Грузии в 1942 году. После ускоренного курса боевой подготовки ее бойцы сражались с немцами на берегах Терека, на Кубани и в Тамани. В 1943 году за мужество и героизм дивизия получила почетное на-

именование «Анапская». А в Приказе Верховного Главнокомандующего от 21 сентября 1944 года говорилось: «...414-я стрелковая дивизия (полковник Курашвили, Георгий Гаврилович)... Войскам, участвовавшим в освобождении Таманского полуострова, в ходе которого они захватили Анапу и другие населенные пункты, приказом Верховного Главнокомандования и благодарностью в Москве дается салют из 20 артиллерийских залпов из 224 орудий»

Давайте перечтем и другие документы, сохранившие терминологию и дух того времени – наградные, связанные с офицерами и солдатами-грузинами. К награждению командира дивизии Георгия Курашвили полководческим орденом Суворова II степени комментариев нет. «Во время штурма хутора, когда огонь вражеского ДЗОТа задерживал наступление роты 1371-го стрелкового полка, рядовой Владимир Папидзе подполз к вражескому укреплению и, ворвавшись внутрь, автоматным огнем уничтожил боевой расчет противника. Рота получила возможность обойти хутор Безымянный и уничтожить оборонявшегося врага». Владимир Папидзе был удостоен звания Героя Советского Союза.

Памятный знак 414-й Анапской дивизии

Георгий Курашвили

А вот что сказано о командире 1371-го стрелкового полка подполковнике Калистрате Маградзе, награжденном Орденом Красного Знамени: «Показал исключительную смелость, находчивость и умение управлять боем... Умело применяя тяжелое пехотное вооружение полка, смелые и тактически правильные маневры без больших потерь личного состава и материальной части занимал выгодные рубежи и высоты».

Немало офицеров и солдат грузинской Анапской дивизии удостоены Ордена Красной Звезды. Командир 235-й отдельной стрелковой разведроты старший лейтенант Шалва Хахнелидзе «неоднократно под обстрелом артиллерийского и минометного огня вел разведку переднего края обороны противника, устанавливал огневые точки и месторасположение противника. Под его руководством разведчики расположили 3-х пушек, 2-х минометов и 5-ти пулеметных точек, 3-х пушек, 2-х мин, пробрались в тыл противника и дали сигнал нашим частям о его отступлении». А командир 443-го отдельного истребительного противотанкового дивизиона капитан Александр Харатишвили «лично вывел одну батарею в цепь пехотных подразделений, в течение всего дня поддерживал наступление батальона. Батарея прямой наводкой уничтожила 5 станковых пулеметов, до 2-х взводов пехоты и 2

миномета». Командир стрелкового взвода Николай Вашакидзе «действовал отлично, очищая высоты, занятые противником. Первым ворвался в станицу и быстро очищал улицу за улицей, смелый, решительный и находчивый командир. Его взвод подавил 3 точки противника и уничтожил живой силы до 20 человек». Еще один взводный – Михаил Гомелари – «первым пошел в атаку на прилегающую высоту к станице, где противник был сильно укреплен, с криками «Ура!», высота была взята в течение 30 минут. Его взвод уничтожил живой силы не менее 15 человек». Командир взвода минеров Ушанги Кварацхелия «подавил 7 огневых точки противника, а также преследовал все время своим огнем отступающего противника. Смело и энергично действовал, не давая опомниться противнику».

Командир взвода Лавросий Квачадзе «проявил исключительную стойкость. Неоднократно переходил в атаку на сильно укрепленную противником высоту. Умело руководил боем, сам смелый и решительный, поставленную задачу выполнил на отлично». Командир взвода Владимир Ломидзе первым ворвался в станицу и начал уничтожать обороняющегося противника. Два часа длился жаркий бой, после чего станица полностью была очищена. Его взвод действовал решительно, не давая врагу опомниться. Тов. Ломидзе сам лично из автомата убил 4-х немцев. В этом бою честно отдал свою жизнь за любимую Родину». Командир взвода Самсон Харбедия сам поднял свой взвод и первым побежал на сильно укрепленную противником высоту. В этом бою высота была быстро очищена, противник потерял убитыми и ранеными до 18 человек, а также его взвод подавил 3 огневых точки противника». Командир роты Автандил Цикоридзе очистила полностью высоту, где противник сидел до зубов вооруженный. Рота ворвалась в станицу, откуда также стремительным ударом выбила противника. В этом бою Цикоридзе был сам тяжело ранен».

Старший сержант, командир отделения пулеметной роты Ясон Мчедлидзе «до 8 огневых точек подавил, а также уничтожил живой силы не менее 25 человек.

Наводчик пулеметной роты Михаил Папиани «показал образцы и умение бить врага, он из своего станкового пулемета уничтожил до 6 огневых точек противника». Телефонист взвода связи Александр Горгадзе «6 раз налаживал связь под сильным пулеметным и минометным огнем противника, что дало возможность бесперебойно управлять боем». Сержант, командир отделения связи Капитон Гахария «организовал своих подчиненных так, что связь немедленно налаживалась. Сам лично 6 раз налаживал порванную связь под сильным пулеметным и минометным огнем противника».

Командир отделения сержант Шалва Антонидзе «первым влетел на сильно укрепленную высоту и заставил противника убежать, его отделение уничтожило живой силы противника до 16 человек, сам смелый и решительный, ни перед какими трудностями не останавливается». Стрелок Захар Отиашвили «действовал в бою смело и решительно, он сам лично из автомата убил 6 немцев, неоднократно призывал бойцов идти вперед на разгром гитлеровской нечести». Командир миной роты старший лейтенант Михаил Аладашвили подавил своим огнем 12 точек противника, уничтожил большое количество пехоты противника, чем дал возможность быстро продвинуть-

Владимир Папидзе

Шалва Бучукури

ся вперед и занять сильно укрепленные высоты».

Наводчик минерной роты Мелитон Бахтуридзе «подавил 3 огневых точки противника, забрасывал минами живую силу противника, тем самым дал возможность быстро продвигаться нашей пехоте». Его однополчанин Александр Гортвелашили «из своего миномета подавил 4 огневых точки противника, а также вывел из строя до 20 человек пехоты». Командир минерного взвода Агабо Ковеладзе «на сильно укрепленных высотах подавил 3 пулеметных и 2 минометных точки противника, уничтожил большое количество живой силы противника. Смелый, решительный и находчивый командир, мастер своего дела».

Старший лейтенант, командир стрелковой роты Леон Маградзе «несмотря на сильный пулеметный и минометный огонь противника продвигался вперед, беря высоту за высотой, сам смелый и решительный командир, правильно и умело руководит боем, не останавливается не перед какими трудностями». Телефонист взвода связи Шота Панчулидзе «под сильным пулеметным и минометным огнем противника 7 раз наводил порванную связь. Смелый, находчивый, никаких трудностей не боится». Командир отделения пулеметной роты Абессалом Самхарадзе «своим отделением подавил 6 огневых

точек противника, а также уничтожил живой силы до 25 человек. Сам смелый, решительный, хорошо знающий свое дело».

А это – о бойцах, награжденных медалью «За боевые заслуги». Владимир Иорданишвили «под артиллерийским и минометным огнем противника, не щадя своей жизни, на отлично выполнил поставленную задачу, разведав передний край обороны противника и огневые точки, уничтожил месторасположения 2-х пушек, 2-х минометов и 4-х пулеметов противника». Стрелок-разведчик Шалва Бучукури «под артиллерийским, минометным и пулеметным огнем, не щадя своей жизни, выполнил поставленную боевую задачу разведывать передний край обороны противника и выявить огневые точки. Вместе с пятью разведчиками подавил две пулеметных точки противника».

Командир орудия старший сержант Михаил Гаприндашвили «добился отличных результатов в деле боевой подготовки своего расчета. В бою свои высокие боевые качества показал на деле. Огнем орудия было уничтожено около взвода противника». Красноармеец, номерной орудия Мина Торадзе «за короткий срок овладел специальностью наводчика, проявил мужество и образцово действовал под пулеметным огнем противника. Бла-

годаря его энергичным действиям, орудие своевременно и в достаточном количестве получало боеприпасы, что позволило вести исключительно интенсивную стрельбу». Сержант, заместитель командира орудия, наводчик Семен Халадзе «показал себя дисциплинированным и энергичным младшим командиром... прямой наводкой подавил 3 огневые точки противника, что дало возможность нашей пехоте продвинуться вперед».

Старшина, помощник командира взвода конной разведки Василий Бучукури «умело руководил разведкой взвода и доставил в штаб сведения о расположении и движении пехоты противника». Сержант, командир отделения взвода пешей разведки Рубен Кочашвили доставил командованию сведения о расположении огневых точек и живой силы противника». Телефонист штабной батареи Михаил Окиташвили доставил важные сведения о расположении и действиях противника».

Старшина батареи Ираклий Двали «заботливый и дисциплинированный старшина, во всяких условиях, бесстрашно, преодолевая огонь противника, обеспечивает хорошим питанием личный состав батареи». Младший сержант, радиотелеграфист Арчил Деметрашвили «под сильным огнем противника обеспечивал

Освобожденный Севастополь. Май 1944 года

Часть монумента воинам-грузинам

связь между наблюдательным пунктом и огневой позицией батареи. Мужественен, отважен, безотказен и четок в работе». Старшина, командир орудия Владимир Болквадзе «под ураганным минометным огнем противника бесперебойно вел огонь по минометным батареям и автоматчикам противника и в этой борьбе оказался победителем, дав возможность продвигаться вперед нашей пехоте».

Рискуя жизнью, под огнем, восстанавливали связь между подразделениями и командованием младший сержант, старший радиотелефонист батареи Иван Адамашвили, старший сержант, командир отделения связи штабной батареи Николай Блядзе, сержант, командир отделения связи Георгий Гегидзе, младший сержант, командир отделения связи Сандро Габедраури, ефрейтор, телефонист штабной батареи Георгий Зариашвили, сержант, командир отделения связи Дмитрий Мшвидобадзе, старший телефонист Владимир Пилишвили, сержант, телефонист штабной батареи Михаил Окиташвили.

А красноармеец, ездовой Григорий Шариадзе, «когда опасность уничтожения конского состава, рискуя жизнью, преодолевая боль раны, бросился к лошадям и вывел их из-под обстрела противника, тем самым спас конский состав батареи». Старший сержант, химик-инструктор Иосиф Шавкацишвили «проявил исключительную смелость по обнаружению огневых точек противника... когда одно наше орудие оказалось под силь-

Фигура воина-грузина

ным артиллерийским огнем противника, презирая опасность, добрался до орудия и вытащил его в безопасное место, тем самым спас орудие от уничтожения». Каждый из них награжден медалью «За отвагу».

Конечно, здесь невозможно перечислить всех грузин, получивших награды за освобождение Крыма. Их свыше 4 тысяч! Но нельзя не назвать, к сожалению, негромкие имена героев, тех, кого называют «рабочими войны». Хотя бы некоторые...

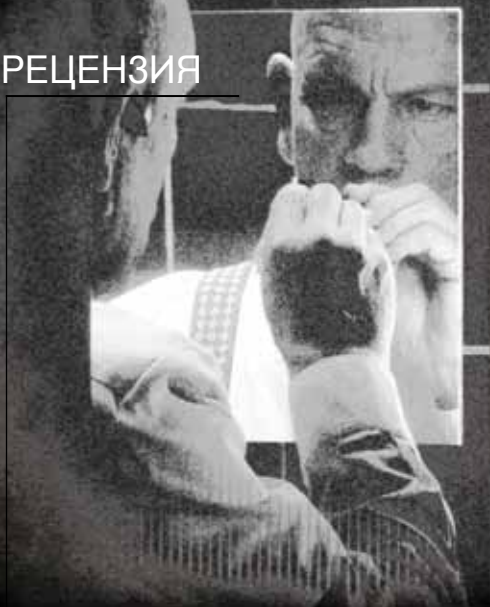
За мужество, проявленное в боях за Севастополь, 414-я Анапская дивизия была награждена Орденом Красного Знамени, а ее 371-й и 1367-й стрелковые полки удостоены почетного наименования «Севастопольские». Свыше 4 тысяч солдат и офицеров формирования были награждены орденами

и медалями. Звания Героя Советского Союза, помимо В. Папидзе, был удостоен пулеметчик Григорий Хазарадзе – за бой на Сапун-горе.

В Крыму действовала и укомплектованная в Грузии 242-я горно-стрелковая дивизия. А в битве за Севастополь погибло больше тысячи бойцов 414-й дивизии. Их похоронили у 10-го километра Балаклавского шоссе на братском кладбище, в центре которого установлен памятник. В 1961 году кладбище реконструировали, и на средства правительства Грузинской ССР был сооружен новый монумент – обелиск, облицованный желтым балисским

туфом, у подножия которого стоит бронзовая скульптура воина-грузина. Эпитафия приводит на русском и грузинском языках бессмертные слова Шота Руставели: «Лучше смерть, но смерть со славой, чем бесславных дней позор».

ПУБЛИЧНОЕ ОДИНОЧЕСТВО В ХЛОПКОВЫХ ПОЛЯХ

■ Инна БЕЗИРГАНОВА

Американца Джона Малковича и литовку Ингеборгу Дапкунайте ждали еще осенью – их участие в Тбилисском международном театральном фестивале было заявлено задолго до события. Однако форс-мажорные обстоятельства помешали приезду звезд. К счастью, он был не отменен, а отложен на весну. И тбилисская публика два вечера подряд наслаждалась мастерством больших актеров, проявленным в талантливой режиссуре Тимофея Кулябина.

«СКАЖИТЕ, ЧЕГО ВЫ ЖЕЛАЕТЕ, И Я ВАМ ЭТО ПРЕДОСТАВЛЮ!»

...Впечатление – вещь хрупкая, эфемерная. Но иногда оно проникает не только в твое сознание, но и в подкорку. В твои поры. И остается в тебе надолго... Остается каким-то смутным переживанием, расплывчатой картинкой перед глазами, ускользающей музыкальной темой, убегающими голосами, игрой теней. Таким особенным было впечатление от представления Тимофея Кулябина «В одиночестве хлопковых полей»,

которое привез к нам Тбилисский международный театральный фестиваль. Оно менялось от просмотра к просмотру. Начиная от первой репетиции и заканчивая последним показом. Восприятие трансформировал и усиливал видеоэкран – полноправный участник творческого процесса. Но он усиливал лишь то, что выражали слово, лица, движения актеров. А за этим – высший пилотаж актерской игры. Даже не игры – творческого инновация, когда это не просто мощно, глубоко. Когда актеры будто отрываются от

театральных подмостков – выходят за пределы текста и доносят до зрителя скрытые, тайные смыслы, может быть, только ощущения.

Первая репетиция на сцене театра Грибоедова (здесь прошли показы спектакля) – шлифовка уже отточенного, найденного (преьера состоялась два года назад): отработан каждый жест, поворот головы, рассчитан каждый сантиметр сценического пространства. Актеры легко существуют, партнерствуют в заданном рисунке, однако вновь и вновь повторяют одни и те же

реплики, пластические ходы. Никакой приблизительности не может быть – Малкович и Дапкунайте взаимодействуют не только с текстом и друг с другом, но и с видеорядом. А как же вдохновение и полет, как же тайные смыслы? Оказывается, таинство возможно и в жестком каркасе этого необычного спектакля для двоих...

Актеры произносят сложнейший текст (на английском) пьесы французского драматурга-авангардиста Бернара-Мари Кольтеса в сценической версии Романа Должанского. Даже читая на русском языке, с трудом пробираешься сквозь замысловатые фигуры речи – к завуалированной сути. Но когда ты все-таки преодолеваешь этот непростой путь, появляются новые шифры, новые загадки. И никто из создателей спектакля не спешит тебе помочь в разгадывании смыслов. Каждый в зале видит то, что ему дано увидеть. Кому-то покажется, что кулябинские «Хлопковые поля» – об экзистенциальном одиночестве человека и принципиальной невозможности преодолеть зону отчуждения между людьми, другой найдет в ней анализ запретных, глубоко запрятанных (даже от самого себя) желаний и внутренний конфликт человека – борьбу разных начал, чуть ли не биполярное расстройство, третий – историю мужчины и женщины, так и не сумевших преодолеть стену страха и психологической замкнутости.

Хотя уже самое начало предлагает, в общем, конкретный сюжет. Звучит какая-то болезненная, трансцендентная музыка. На сцене никого нет. А на видеоэкране – кино: одинокий мужчина возвращается с работы домой, кладет портфель, раздевается, заходит в ванную... Ему не с кем разделить любовь, тоску или какие-нибудь иные свои ощущения и переживания – только с самим собой. Что становится причиной его кризисного предсудебного состояния... На этом завершается видеопреамбула спектакля. Экран поднимается, изображение будто разъедается коррозией или плавится – происходит распад личности, разрушение сознания. На сцене

На пресс-конференции

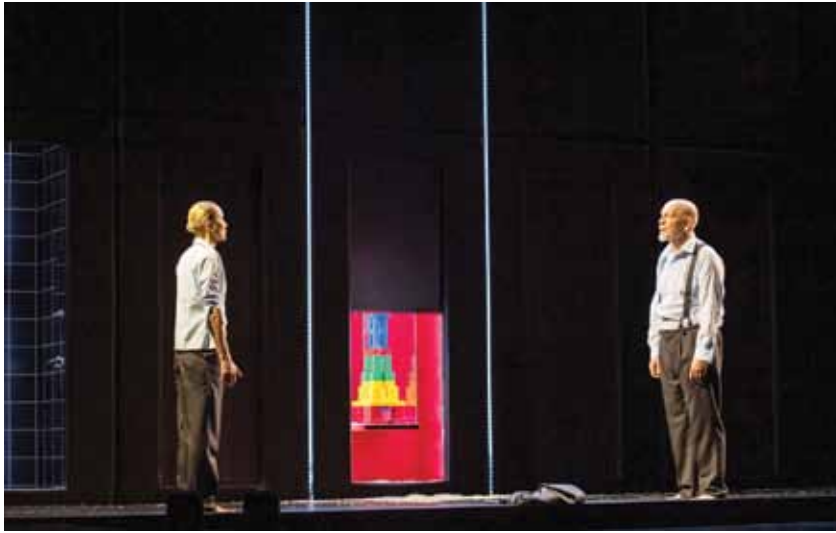
(и мониторе!) появляются двое. На одной половине экрана возникает крупный план лица, максимально приближенного к зрителю (Продавец: Ингеборга Дапкунайте), на другой – человек, сидящий спиной к залу на полу ванной комнаты (Покупатель: Джон Малкович).

Оба персонажа одеты одинаково – темные брюки и белая сорочка (унисекс). Волосы Продавца гладко зачесаны, на экране зафиксирован его слегка насмешливый, имплицитно провоцирующий взгляд. Этот «некто» уверен в себе и сразу начинает атаковать психологически растерзанного Покупателя, предлагая ему сделку: он готов предложить персонажу Малковича нечто такое, в чем тот, по убеждению Продавца, остро нуждается. Однако предмет тяжбы до самого конца так и не будет назван ни одной из сторон. Потому что, как становится понятно по мере развития диалога, речь идет о чем-то нематериальном, запретном, и может быть, преступном.

В скупой сценографии спектакля Тимофея Кулябина (художник Олег Головкин) – замкнутые «отсеки», в каждом из которых находится то, что скрыто в дальних уголках подсознания человека. Образ лифта, упоминаемый Продавцом в тексте Кольтеса (лифт находится в одном из «отсеков»), – это психоаналитический символ.

«Для многих сны – застревания в лифте, говорят о невозможности найти выход в реальной жизни. Или – о давлении ограничений (стен лифта) со стороны отдельных лиц или общества в целом. Сны – падения в лифте могут символизировать страх потери статуса в глазах близких, общественности. Сны, связанные с подъемом лифта вверх, наоборот, указывают на стремительный рост и развитие» – пишут психологи. Не менее значим «отсек», представляющий собой гардероб с висящими в нем ремнями – символ запретов, ограничений и наказания за их нарушение (в одной из сцен ремни пускаются в ход). Истоки запретов – в детстве, о чем свидетельствует третий «отсек», придуманный создателями спектакля: фигурка, нарисованная мелом на школьной доске. И, наконец, четвертая «зона»: в нем находится нечто запретное, яркое и манящее. Это – Желание.

На протяжении всего действия мы наблюдаем яростную схватку Продавца и Покупателя – это выражено, в том числе, с помощью разнообразной пластики эмоционально наполненных актеров. В результате камерная история перестает быть камерной – режиссер подает ее крупным планом, словно через увеличительное стекло. Это своего рода мистерия поединка человека с самим собой, отчаян-

«В одиночестве хлопковых полей»

ный поиск пути к самому себе, борьба добра и зла, способ самопознания. Попытка осознать, почувствовать спрятанные «в глубинах» инстинкты, расшифровать внутренние иероглифы. Кулябин вместе с актерами словно показывает бурлящую в «недрах» человека «магму» – подсознательные тектонические процессы. Как укротить эту «лаву»? Ведь иначе – взрыв и разрушение!

Мы видим, как условный «Продавец» всячески пытается добиться, чтобы «Покупатель» все-таки сформулировал свое тайное желание. «Скажите, чего вы желаете, и я вам это предоставлю!» – тщетно и поэтому все более агрессивно настаивает Продавец. Ни один, ни другой назвать «то самое, заветное» не могут – мешают внутренние запреты (в пьесе, где речь идет о двоих, говорится не только о невозможности открыть свои скрытые, возможно, постыдные желания, но и о неспособности к партнерству, к межличностному взаимодействию, о недоверии и страхах). В какой-то момент некое потепление, примирение между противоборствующими «героями» (или двумя половинами личности, коль речь идет о расколе сознания) начинается было происходить – это показано на тактильном уровне: актеры чуть-чуть касаются друг друга... Какой-то островок, оазис любви все-таки существует, но удержать его трудно, невозможно. Это новое состояние рождается в спектакле у «отсека» Желания. Малкович берет в

руки условный снег и осторожно сыплет его на партнершу. Снег как символ первозданной чистоты и невинности. Если хотите, утраченного рая. Но вернуться к нему не дано – примирения и соединения между Продавцом и Покупателем так и не случается: в одно мгновение все едва обретенное тает как снег, и «отсеки» начинают закрываться один за другим.

Последний диалог между Покупателем и Продавцом. Продавец: *«Простите, вы точно не сказали, что именно желаете от меня получить, или я чего-то не расслышал среди ночного бедлама? Покупатель: Я ничего не сказал, ничего. А вы, вы случайно не предложили мне ничего такого, о чем я не догадался в ночи, во мраке, таком глубоко, что к нему почти невозможно привыкнуть? Продавец: Ничего».*

Nothing! Дальше – тишина... Неразрешимость, невозможность найти в себе рай в одиночестве хлопковых полей. В итоге – смерть.

Почему «хлопковые поля»? Из хлопка изготавливают одежду. То, что согревает, защищает. В то же время хлопок используется для производства пороха – оружия. В этом и есть загадка и, возможно, ответ, почему Кольтес назвал пьесу «В одиночестве хлопковых полей». Герой (два в одном) не может и не хочет выпустить запрятанного в себе зверя, «магму» – свое оружие. И предпочитает аннигиляцию – самоуничтожение.

Принципиально еще и то, что

в трактовке Кулябина Покупатель и Продавец в определенный момент меняются ролями – тот, кто был Покупателем, становится Продавцом, и наоборот.

КОММЕНТАРИЙ ТЕАТРОВЕДА РОМАНА ДОЛЖАНСКОГО:

«Персонажи спектакля произносят вдвоем один и тот же текст, перехватывают его друг у друга. Выворчиваются и начинают играть роли друг друга. Идея, что они должны поменяться ролями, возникла еще перед началом репетиций. Что касается новой концепции, то изменилась жизнь, и то, что было при Кольтесе фигурой умолчания, сегодня таковой не является. Поэтому не нужно говорить поэтически, иносказательно, можно выражаться прямо о том, что вчера было абсолютно запретным, что нельзя было проговаривать, в чем нельзя было признаваться обществу. И мы предложили свою версию: один человек сам себя уничтожает в борьбе с запретным желанием. Хотя постановка Кулябина воспринимается по-разному. Кто-то даже считает, что спектакль, звучащий столь современно, – про войну. Распад, раскол, ужас... Другие говорят, что на сцене – пара, прожившая всю жизнь вместе. И в конце концов у них возникает опустошение от отношений, которые закончены, и уже ничего нельзя сделать, только обнулиться. Все читают спектакль по-своему – и слава Богу».

ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИЯ

В помещении Театра «Мастерская 42» прошла встреча Джона Малковича и Ингеборги Дапкунайте со зрителями и прессой. Он – серьезный, неспешный, рассуждающий. Она – легкая, улыбчивая, яркая.

Малкович рассказал о том, как шли репетиции спектакля: «Мы начали подготовку еще во время пандемии – в Zoom, между Новосибирском, Москвой и другими городами. У нас было много времени для работы над текстом и подготовки его сценической версии. Это продолжалось несколько месяцев, потом мы встретились, порепетировали вживую, через какое-то

время снова встретились и уже показали премьеру в Риге. В пьесе Кольтеса говорится о том, как два человека стараются найти общий язык, но не могут этого сделать. Не менее важно и для нас найти общий язык со зрителями. Живой отклик в театре имеет особое значение. С возрастом я стал смотреть на театр как на серфинг. Жду волны – точки соприкосновения, которая возникает между актером и зрителем. А волна вызывается сцепкой публики с материалом, и мы катаемся на этой волне. Для меня такой подход – самая точная вещь. Происходит то, что конкретная публика в конкретный вечер взаимодействует с конкретным материалом».

Дапкунайте говорила о своем понимании удачного спектакля: «Когда я выхожу на сцену и у меня есть возможность что-то оценивать – значит, это плохой спектакль. А если я начинаю спектакль, он продолжается, и только после этого я осознаю, где нахожусь, можно говорить, наверное, о том, что спектакль хороший. Потому что я была там, в этом путешествии».

Малкович: «Актёрство – это все равно, что надеть пальто. Вы делаете то, чего в жизни никогда бы не сделали, говорите то, чего никогда не говорите, и чувствуете то, чего в реальности никогда не чувствуете. Для меня это шанс побыть тысячу раз кем-то другим».

Дапкунайте объяснила, в чем для нее разница между сценой и кино: «Играя в театре интимную сцену, нужно, чтобы тебя услышали в последнем ряду. В кино камерные, тонкие моменты передать легче. В театре вы контактируете со зрителями. На экране – в основном общаетесь с партнером и позволяете камере наблюдать за вами».

«В театре долго выбираешь и серьезно работаешь над ролью и потом можешь что-то в ней изменить, – говорил Малкович. – На съемках каждая сцена повторяется несколько раз – и все. Правда, потом можно легко что-нибудь вырезать. При этом роль не имеет значения сама по себе, а только в контексте. То же самое и в жизни происходит!»

Актёров спросили о том, воз-

Моноспектакль «Калинаускас 6-2»

можно ли, чтобы, объединившись в некий альянс, знаменитые деятели культуры вместе боролись за победу добра над злом в мире. «Мы просто артисты! – подчеркнул Джон Малкович. – Стараюсь быть дальше от политики. Мое дело – создавать на сцене и в кино различные образы!» Коллегу поддержала Ингеборга Дапкунайте. «Я только человек и тоже совершаю ошибки!» – сказала она.

ВЕРБАТИМ ИНГЕБОРГИ ДАПКУНАЙТЕ

Поразил контраст между Ингеборгой – в постановке Кулябина, и ею – в моноспектакле «Калинаускас 6-2», показанном в Театре «Мастерская 42». Монолог-исповедь актрисы, прозвучавший на абсолютно пустой сценической площадке, позволил понять и почувствовать, откуда в ней столько внутренней свободы – корни этого лежат в прошлом. А именно – в семье Дапкунайте. На глазах зрителей Ингеборга превращается в девочку – ту, из детства и юности. Для этого актрисе и не требуется особенного перевоплощения – ей нужно просто оставаться на сцене самой собой. У актрисы удивительное качество – открытость и непосредственность. Достаточно двух слов, одного взгляда – и ты ощущаешь ее близость и какое-то родство душ. Ингеборга без труда преодолевает расстояние между сердцами – своим и зрителей.

В своем авторском спектакле Дапкунайте погружается в воспоминания на фоне разноли-

кой истории Вильнюса, Литвы, Советского Союза. Касается вещей, деталей, фактов, на первый взгляд, слишком личных, мало-значительных и имеющих отношение только к ней и ее близким. Но каким-то образом это мало-значительное становится значимым для каждого, кто сидит в зале. Потому что душевный, духовный, жизненный опыт актрисы находит отклик в сердце, памяти других людей. Потому что раскрывается сущность понятия рода как связи всех членов семьи. И в нем – источник силы и радости бытия, способности противостоять всем превратностям судьбы, испытаниям сложной, насыщенной драматичными событиями и политическими потрясениями эпохи.

Своего рода метафорой становится образ Дома, который воссоздает Ингеборга – со всеми его предметами, аксессуарами, праздничными застольями, смешными и грустными историями, и, конечно, родными не только по крови, но и по духу людьми – папой, мамой, бабушкой, дедушкой, тетей, дядей. Близкие по давней традиции собираются на Рождество, и каждый год перед торжественным ужином произносятся слова, наполненные особым смыслом: «Пусть в следующем году нас за этим столом будет не меньше».

«Для меня этот спектакль – возможность побыть с теми, кого я люблю. Это самое личное, что я когда-либо делала в театре», – сказала Ингеборга.

«МОИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ ПОСТАНОВКИ ВСЕГДА ЗРЕЛИЩНЫ»

■ Инга БЕРИДЗЕ

После спектакля «В одиночестве хлопковых полей» – интервью с одним из самых известных российских и европейских режиссеров Тимофеем Кулябиным.

– Тимофей, вы внесли какие-то изменения в текст пьесы Кольтеса?

– По большому счету никаких изменений не было, только купюры. Изначальный текст длиннее, массивнее, и на сегодняшний день он кажется избыточным. Поэтому мы сократили какие-то монологи. Единственное существенное изменение: в пьесе фигурируют два персонажа – Продавец и Покупатель, а у нас, начиная с середины спектакля, они меняются ролями.

Продавец становится Покупателем, и наоборот. В конечном счете получается так, что текст принадлежит некой единой сущности, одному сознанию, и уже неважно, кто из них Продавец, а кто – Покупатель. В этом случае мы уже не соблюдали кольтесовскую расстановку.

– Таким образом, вы предложили свою, оригинальную концепцию.

– Текст – это текст. Концепция – то, что делает с ним режиссер. В пьесе подразумеваются два человека, а у нас текст принадлежит сознанию одного человека, который двоится в своей природе.

– Я читала аннотации, выражающие принципиально разные трактовки вашего спектакля. А в одном из интервью актриса Ин-

геборга Далкунайте говорит, что каждый может увидеть в нем что-то свое. Это так или все-таки должно быть какое-то определенное понимание происходящего на сцене?

– Я думаю, что в этом спектакле все вполне конкретно подразумевается и выражается. Конечно, каждый зритель может иметь свою интерпретацию происходящего, выделять свои мотивы. Но базовая тема очевидна. Она очевидна из текста – речь идет о тайном сексуальном желании, которое является запретным, преступным. И человек борется с этим желанием. Ведь существует природа сексуальная, естественная, до какой-то степени животная, а есть природа социальная, нравственная, моральная, которая соответственно запрещает другой сущности человека свои желания реализовывать. Это понятно. Во всяком случае, в спектакле достаточно намеков, чтобы все было очевидно.

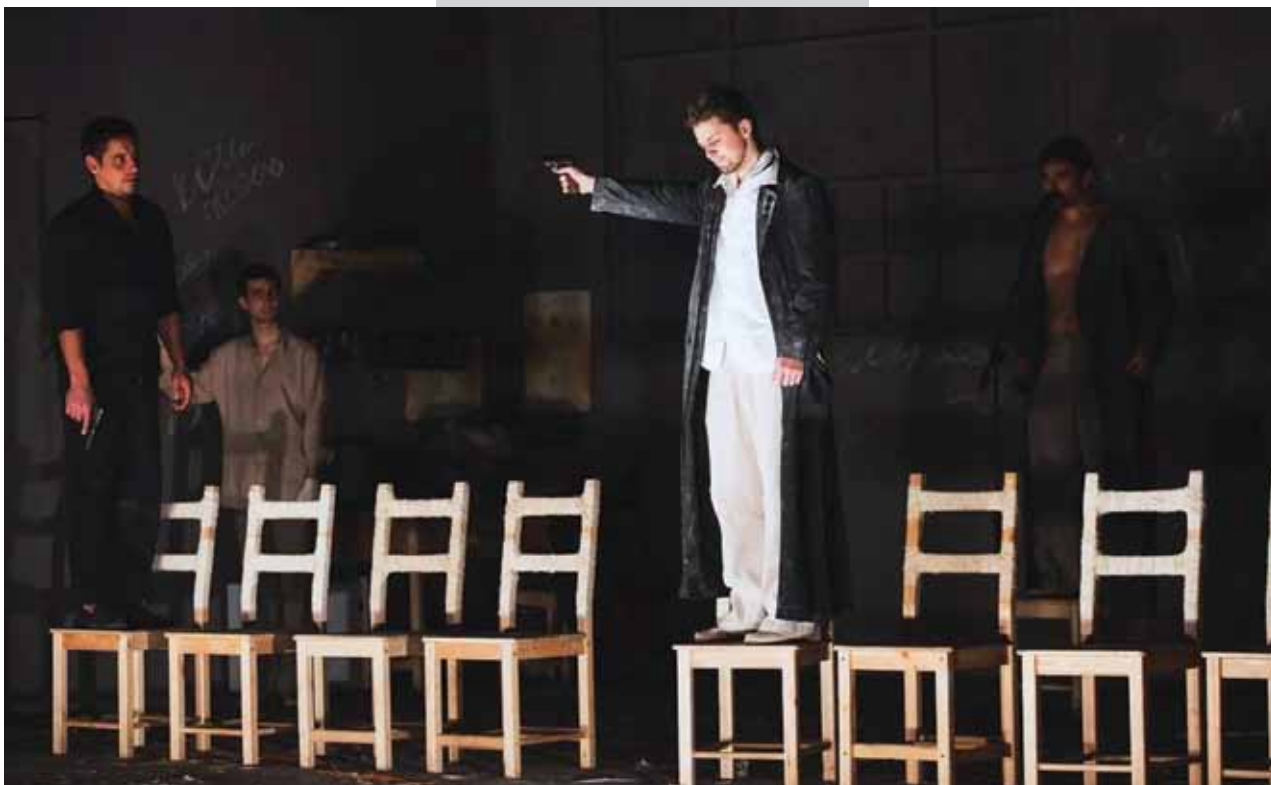
– Почему вы решили обратиться к Кольтесу, уйти в сферу подсознательного?

– Важна сама форма... Я предлагаю последний разговор человека перед смертью – ночной кошмар, или сон, или внутренний ужас, в котором он находится. Пытаясь сам с собой договориться, герой не может этого сделать и в итоге кончает жизнь самоубийством. Не преодолев внутреннее противоречие, не примирившись с самим собой. Я подумал, что такой подход тоже может быть ключом к тексту. А не только встреча двух людей в темном переулке, один из которых предлагает другому что-то купить, а другой боится назвать желаемое. Оба не могут это озвучить. Почему подсознание, почему Кольтес? Не знаю, таков мой выбор.

– Ваш спектакль и об одиночестве. Человек рождается один, умирает один, так и не примирившись с самим собой и с миром. Так я почувствовала.

– Эта тема тоже есть, в том числе. Пьеса ведь называется «В одиночестве хлопковых полей». Речь идет, безусловно, об экзистенциальном одиночестве. В самой пьесе Кольтеса это довольно отчетливо прослеживается.

– Какое-то продолжение темы пьесы Олби «Что случилось в зо-

Сцена из спектакля «Онегин»

опарке», написанной в 1959 году.

– Конечно, у Кольтеса – продолжение традиций абсурдистов. Тема неустаревающая.

– Видео позволяет укрупнить конфликт – на сцене между героями происходят такие тонкие вещи, что без крупного плана на экране не обойтись. Что для вас видеоряд?

– У видеоряда две функции. Первая – простая: укрупнение планов. Действительно, есть мелкие реакции, мелкие подробности, которые просто необходимо разглядеть. Чисто практическая функция. А художественная – та, что в этом видеоряде тоже есть мой режиссерский текст. Всегда есть выбор, что снимать, кого снимать, в каком ракурсе показывать. Это тоже режиссерский инструмент, когда я могу некие дополнительные смыслы – помимо текста, помимо мизансцен – обнаруживать и выражать. Плюс возможности видео помогают создать ощущение кошмара, морока подсознания, где какие-то вещи расплываются, а другие – соединяются и укрупняются. Ужасно не люблю слово «сновидение» в театре, этим сейчас оправдывают вещи, несформулированные до конца. У нас это скорее не сновидение, а атмосфера морока, израненного, исклеченного взгляда на действи-

тельность.

– *Неизбежный вопрос – каково работать с актерами такого высокого класса? Это осложняло решение вашей творческой задачи или упрощало его?*

– И Джон Малкович, и Ингеборга Дапкунайте – действительно артисты высочайшего класса и с точки зрения мастерства, техники, навыков, и с точки зрения дисциплины. С такими актерами работаешь гораздо быстрее, потому что они многое могут сделать сразу, и что-то предложить, и сымпровизировать. Их нужно просто грамотно направлять.

– *Это не просто исполнители, а, скорее, соавторы спектакля?*

– Безусловно. Это большое удовольствие – работа с такими артистами. Процесс идет очень легко, изобретательно, можно сформулировать любую задачу, и она будет совершенно точно выполнена.

– *А когда Джон и Ингеборга что-то предлагали...*

– Мы были в одном русле. Я что-то предлагал, они импровизировали. Все шло совместно.

– *Сегодня много новых интерпретаций классики, некоторые подвергаются критике. За своего «Онегина» в театре «Красный факел» вы когда-то получили «Золотую маску». В чем суть вашего прочтения, вашего подхода к*

«энциклопедии русской жизни», оцененного профессионалами столь высоко?

– Я думаю, там были две главные вещи. Спектакль очень личный для меня. В «Онегине» я рассказывал много о самом себе, своих личных проблемах – человеческих, творческих. Я не ставил его как сюжет: первая, вторая глава, вот приехали, уехали и т.п. Спектакль был построен как диалог с книгой. «Евгений Онегин» для русского человека – супербазовая книга. Цитаты из нее произносят люди, даже ее не читавшие. Все знают, что там происходит, чем история закончилась. То есть это иконографическая книга для литературы, культуры вообще. И поэтому я как-то особенно не трактовал сюжет – я разговаривал с самим фактом существования книги, с самим прототипом. Пытался поставить так, как вижу ее сейчас, представить, кем эти герои являются для меня сегодня, на что это вообще похоже. Сюжет был рассказан, конечно, но очень специфическими средствами, иногда путем акционизма на сцене. Это походило, скорее, на крупную инсталляцию.

– *Ваша любимая книга – «Процесс» Франца Кафки. Спектакль вы поставили на сцене театра «Красный факел». Чем вас привлекает это произведение, ав-*

тор?

– Это всегда дело вкуса. Мне нравятся тексты Кафки, я в них погружаюсь, это совершенно уникальный мир, он по-особому работает. Он ведет тебя как читателя в свой лабиринт, в свою атмосферу, открывая большое пространство для воображения. В моем спектакле не было кардинального концепта. Задачей, в общем, было – создать у зрителя в театре то же ощущение, что возникает у читателя при прочтении. Этого довольно сложно добиться, потому что текст Кафки всегда повернут в себя, очень закрыт. Вроде все понятно, тем не менее, это действительно лабиринт, он тебе много загадок загадывает. В моем спектакле «Процесс» шли по сюжету. Единственный художественный прием – у всех персонажей, кроме главного героя Йозефа К., был изменен голос. Как на криминальных записях. Актеры играли в специальных масках-«чулках». Не было видно лиц. То есть Йозеф К. жил в мире, в котором абсолютно все герои говорили неестественными голосами и были безликими. Представляли собой некую массу из криминального видео.

– В одном из интервью вы сказали, что не хотите славы скандального режиссера. А какое восприятие себя, своего творчества для вас предпочтительнее?

– Мне нравится пробовать разные жанры, приемы, площадки. Я ведь работаю не только в драматическом театре, но и в опере. Совсем недавно была премьера «Пиковой дамы» Чайковского во Франции, в Лионской опере. Хочется быть разнообразным.

– Откуда возник интерес к опере? У вас есть музыкальное образование?

– Я просто люблю музыку. Опера – тот же театр. Только с музыкой.

– Но ведь музыка диктует свои ограничивающие правила.

– Можно отнести к нему, как к чему-то сковывающему, а можно – как к правилам игры. Известно, чем больше препятствий, тем больше концентрация и острее поиск действия. Поэтому я очень люблю оперу, хотел бы и дальше с ней работать. Я попал в оперу еще в Новосибирске в 2008 году – поставил «Кня-

зя Игоря» Александра Бородина. И потихоньку окунулся в эту стихию... Мне стыдно, что у меня нет музыкального образования, но есть коллеги, драматурги, помощники, которые поддерживают, если у меня возникают какие-то вопросы. Важно слышать, чувствовать музыку, понимать ее структуру, как мне кажется. Это важнее, чем просто ноты читать.

– Расскажите о лионской премьере. Читала, что в процессе формирования замысла вас заинтересовал прототип образа Графини – фрейлина «при дворе пяти императоров» Наталья Петровна Голицына, а также вдохновила личность целительницы Джуну Давиташвили.

– Такой ход соответствует моему режиссерскому замыслу – изобразить современную Россию. Образ Графини довольно сложный. Это очень пожилая дама, которая, по всей видимости, обладает каким-то магическим даром. В прошлом она была очень известным, влиятельным человеком. Мы долго искали, кто сегодня мог бы ею быть. Представили, что если бы Джуна Давиташвили дождала до наших дней, то была бы приблизительно в возрасте Графини. И история жизни Джуну, с ее политической карьерой, связями, тоже бы соответствовала биографии пушкинской героини. В моем замысле типаж очень конкретный.

– А Германн (в опере Чайковского – Герман. И.Б.)?

– Это человек, вернувшийся с войны. У него посттравматический синдром – вполне архетипический сюжет. Он пытается жить нормальной жизнью. Но у него не получается – он психологически искалечен. Германн совершает какие-то безумные, отчаянные поступки, тщетно старается избавиться от внутренних проблем. Это категоричный человек, по большому счету – максималист. Кстати, и у Пушкина Германн – совершенно безумный человек.

– Романтическая музыка Чайковского не сопротивлялась такому осовремениванию?

– Я не чувствовал никакого сопротивления музыки. В каждой сцене, каждый арии я старался найти новую природу этого ро-

мантизма. Музыка где-то вывернутая, перекрученная, но я не сказал бы, что она мне сопротивляется.

– А как в сценографии выражена концепция?

– В постановке три места действия. Одно из них – современный провинциальный дворец культуры. Там происходят все торжества, праздники. Эта декорация четыре раза появляется. В первой картине здесь проводится какой-то государственный патристический, пропагандистский концерт. Второй раз – вечеринка, посвященная будущей помолвке князя Елецкого и Лизы. Это костюмированный вечер, персонажи одеты в костюмы XVIII века: екатерининская элита! В третий раз во дворце культуры идет панихида по Графине. Это зал, где прощаются с ее телом. А потом – штаб-квартира начальников города. Город бомбят, на улицах идет война, дворец культуры разрушен. А собравшиеся делают вид, что город не сдан. От отчаяния они напиваются, бесчинствуют... Но нет пути назад. Потом появляется квартира Графини. Большой зал для приемов, маленькая тайная комната, где Графиня хранила эзотерическую, магическую атрибутику. Дом Графини – современный новодел. Пошловатая, безвкусная обстановка. И, наконец, на сцене – автовокзал, население убегает от бомбежки, от войны, которая догнала.

– Вы уже ставили «Пиковую даму» Пушкина в «Красном факеле». Что было там?

– Опера Чайковского и повесть Пушкина сильно отличаются друг от друга. В «Красном факеле» я поставил спектакль по Пушкину – хрестоматийный.

– Как приняли премьеру французские критики, зрители?

– Все премьерные спектакли прошли очень хорошо. Хотя во Франции не бывает однозначного приятия. Франция – единственная страна, где были критические отзывы на мой спектакль «Три сестры», поставленный на языке жестов. Мы показали его в Париже. А на «Пиковую даму» 95 процентов рецензий были положительными!

– В одном из интервью вы сказали, что не ставите социально-политические спектакли, потому

Сцена из спектакля «Онегин»

что вас это не интересует. Сегодняшние ваши постановки – на злобу дня.

– В последние два года в моей жизни изменилось все. Поэтому теперь мои спектакли социально-политические. Я не могу иначе, потому что реагирую на то, что происходит в мире. Не могу на это не откликаться.

– *А то, что театр должен быть свободен, независим от политических тенденций – это утопия?*

– Театр может быть каким угодно, он вообще никому ничего не должен.

– *А у вас, получается, по Толстому, «не могу молчать»?*

– Да, не могу!

– *Пишут, что с годами ваш стиль очень изменился.*

– Это могут говорить только люди со стороны, а самому очень сложно рассуждать о себе. Надеюсь, мой сценический язык усложняется.

– *Вы говорили так: если то, что поставлено сегодня, напоминает спектакли десятилетней давности, значит, это старомодный театр. Что такое современный театр?*

– Театр – искусство контекстуальное. Он всегда рассказывает о том месте, в котором находится. В тот или иной момент приходит талантливый художник

со своим видением, со своим новым мышлением. Каждое поколение, так или иначе, чем-то отличается. Как и театр – он должен развиваться, соответствовать жизни. Мир за окном меняется очень быстро, стремительнейшим образом, особенно последние двадцать лет. Так что не только театр, но и актуальное искусство вообще, на это реагирует, не может не реагировать. Оно является частью времени. Искусство не в оппозиции к действительности, а именно его часть.

– *Активное внедрение технологий влияет на актерское существование на сцене? В спектакле «В одиночестве хлопковых полей», к примеру, каждое движение актера подчинено видеоизображению.*

– Такова профессия актера – выполнять задачи, оправдывать их. Если они сложные, значит, так и должно быть. Это совсем не сковывает артиста. Усложняет задачу? Да. Развитие технологий в театре, как и в жизни, – совершенно нормальный процесс. Когда-то в театре играли при свечах. Позднее появилось электрическое освещение. Теперь возник видеозащитный экран. Развитие технологий – естественное течение времени.

– *Да и публика сейчас требует чего-то особенного.*

– Смотря какая публика. У всех разные запросы.

– *Спектакль, показанный в Тбилиси, далеко не для каждого зрителя. Должен быть определенный склад восприятия мира и театра. Иначе – дебри.*

– Этот спектакль – интеллектуальный. Понятно, что речь идет не о бульварной комедии. Текст интеллектуальный и режиссерский язык замысловатый.

– *Значит, вам интересно делать интеллектуальный театр?*

– Безусловно.

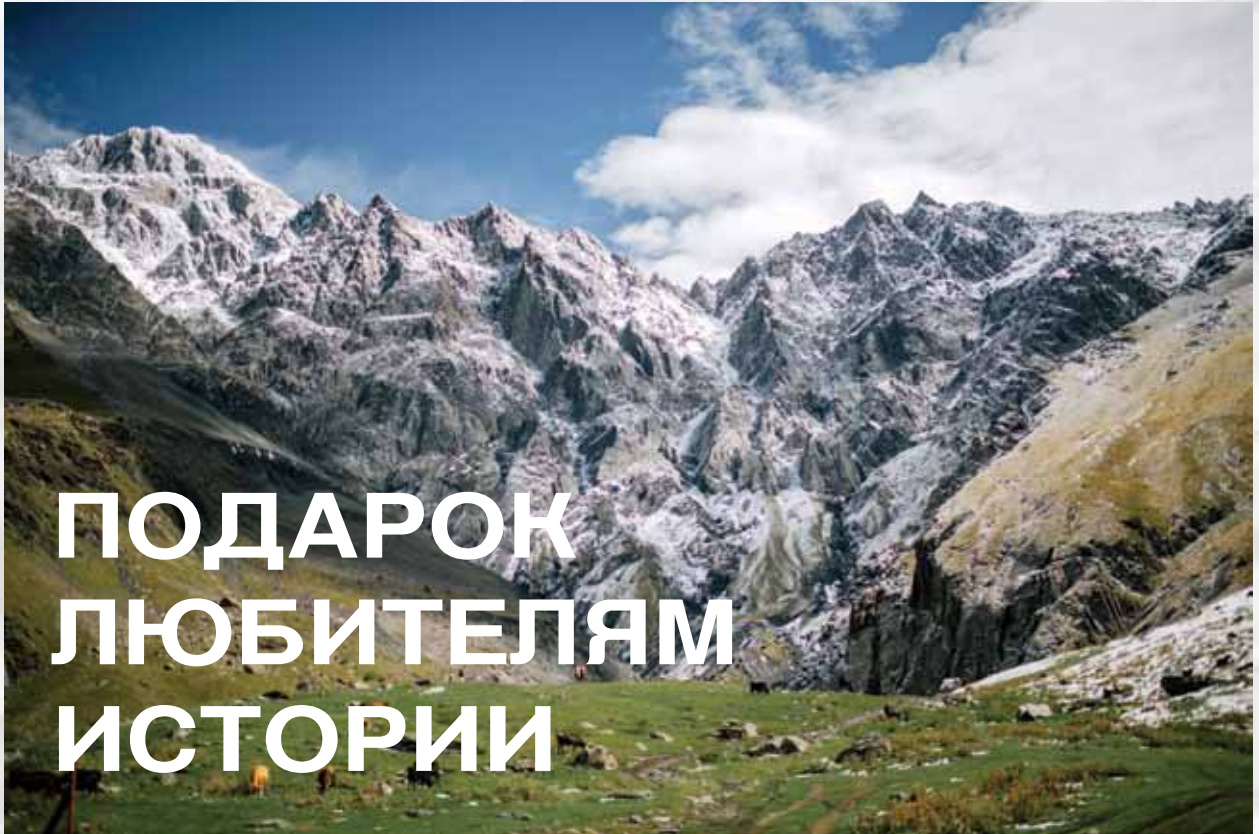
– *А зрителей для такого театра достаточно много, как вы считаете?*

– Достаточно. Я думаю, при всей интеллектуальности мои спектакли очень доступны для восприятия. Даже если ты чего-то не понимаешь – они зрелищные сами по себе. Как шоу. Любой мой спектакль должен быть зрелищным.

– Вы ставите спектакли по всему миру. Вот недавно были в Японии...

– В Японии буду ставить в 2026 году. Сейчас ездил знакомиться с труппой, давал мастер-классы...

– *Успехов вам!*

ПОДАРОК ЛЮБИТЕЛЯМ ИСТОРИИ

Кетеван МГЕБРИШВИЛИ

«Кавказ, как древнейший очаг цивилизации и естественный мост между Востоком и Западом, Севером и Югом, сыграл огромную роль в сближении и взаимопонимании народов. Он всегда был важнейшим регионом с уникальным геополитическим, геокультурным и экономическим положением. Однако, в последние десятилетия различные политические события, произошедшие почти во всех уголках Кавказа, невольно превратили этот регион в т.н. «горячую точку» и привлекли к нему всеобщее внимание. Без Кавказа невозможно представить политическую, экономическую и культурную жизнь цивилизованного мира» – из предисловия к двухтомнику «История Кавказа», подготовленному под эгидой Академии наук Грузии и выпущенному издательством «Артануджи»).

Это настоящий подарок для любителей истории. Каждый том, оформленный великолепными иллюстрациями, состоит из более чем семисот страниц. В книгах представлен большой путь, пройденный народами и странами Кавказа – от ранних эпох феодальных распрей и господства иноземных завоевателей до гнета самодержавия и трудностей, существовавших во времена советской власти. Двухтомник создан группой отечественных авторов под руководством президента Национальной Академии наук Грузии, академика Роина Метревели. Мы обратились к Роину Викторовичу с просьбой рассказать о процессе работы над книгой.

– Впервые в грузинской историографии создан фундаментальный научный труд, где в полной мере представлена история народов Кавказа. В чем особенность этого издания?

– Вопрос о создании и издании «Истории Кавказа» стоит уже много лет. Я говорю не только о грузинской историографии. В целом, на постсоветском пространстве, предпринималась не одна попытка создания такого труда. У Академии наук Грузии было подобное намерение – еще в 70-80-х годах я был приглашен в качестве одного из авторов вместе с академиками Георгием Меликишвили и Марикой Лорткипанидзе. Каждый из нас работал над определенной главой. Мне

была поручена глава об истории Грузии XII века. Под моим руководством работала группа ученых, в которую входили армянский историк Паруйр Мурадян, российский историк-востоковед, член-корреспондент АН СССР Анатолий Новосельцев, к сожалению, их обоих уже нет в живых, а также ученый из Азербайджана. Однако в процессе работы мы не смогли прийти к консенсусу, так как существуют вопросы, в отношении которых как у азербайджанских, так и у армянских историков есть свое мнение. По целому ряду серьезных вопросов мы с трудом продвигались вперед. С коллегами из республики Северного Кавказа у нас не было особых прений. В итоге, из-

за многочисленных разногласий, издать книгу тогда не удалось. Для меня как историка, а также для всего сообщества историографов Грузии, издание этого труда имеет огромное значение, поэтому несколько лет назад мы вновь выразили желание опубликовать его. Необходимо отметить, что государство со всей серьезностью отнеслось к нашему замыслу, и правительство выделило определенный грант для осуществления проекта. По нашему мнению, особенность этого труда состоит в следующем: на этот раз нам удалось сделать то, что ранее не получилось. Нами были проанализированы грузиноязычные, армяноязычные, азербайджаноязычные исторические источники, работы северокавказских ученых, данные российских историков, монографии ученых из различных стран. С учетом всей этой историографии был создан двухтомник. Мы старались, чтобы спорных вопросов было меньше, максимально приняли во внимание мнения азербайджанских и армянских коллег и достигли согласия по определенным вопросам. Хотя остались темы, в отношении которых мы придерживаемся своей твердой позиции. Например, историки из Азербайджана считали, что в XII веке Ширван был не вассалом Грузии, а страной с равными правами. Это неверно. Об ошибочности данного утверждения свидетельствуют не только исторические источники, но и тот факт, что грузинские цари, начиная с Давида Агмашенебели, именовались «царь грузин, абхазцев, ранов, армян, ширваншах и шаханшах». Слово «ширваншах» означает «правитель Ширвана», а «шаханшах» – «царь царей», это древний персидский монархический титул, который примерно соответствует титулу императора. Когда Давид завоевал страну Аниси (часть территорий средневековой Армении), он получил это звание, и оно в дальнейшем перешло и на других грузинских царей. Кроме того, существуют труды российских историков, которые свидетельствуют о нашей правоте, в частности, очень известный российский востоковед-медиевист, исламовед Василий Бартольд опубликовал в Исламской энци-

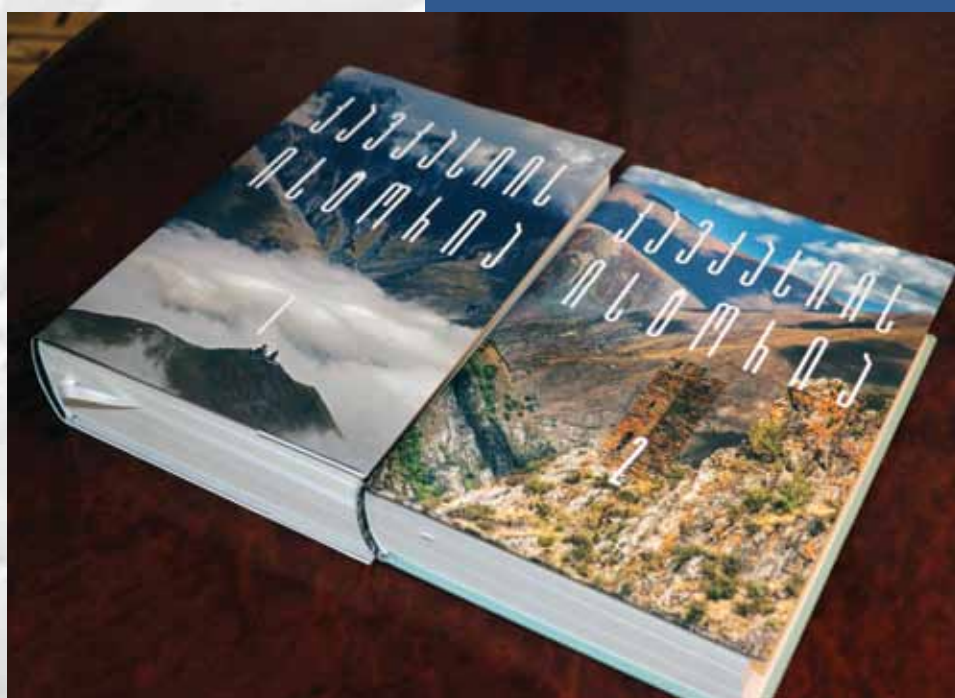
клопедии статью «Ширваншах», где прямо сказано, что Минучихр II Ширваншах обращался к царю Георгию III, как к «своему величественному повелителю». Словосочетание «величественный повелитель» означало, что ширваншах считал себя подчиненным грузинского царя.

– *Сколько времени заняло создание двухтомника?*

– Мы работали довольно долго, это был очень трудоемкий процесс. Я был главным редактором. Собрали группу ученых из семи человек – Валерий Вашакидзе, Георгий Чеишвили, Джони Квициани, Лела Микиашвили, Вахтанг Гурули, Отар Джанелидзе и Александр Даушвили. Все они – профессора, представители различных отраслей науки, исследуют разные эпохи. По многим специфическим темам у нас работали отдельные авторы. Мы специально пригласили кавказоведа, который работал над историей Северного Кавказа. Кавказ – многоконфессионален, здесь живут православные христиане, мусульмане, монофизиты и другие представители различных верований, и для того, чтобы все эти факторы были учтены, над данной тематикой работал историк религии. По моему мнению, книги получились достаточно объемными, но мы не ограничивали авторов строгими рамками, дали возможность подробно изложить свои соображения, чтобы

читатель получил наиболее полную, многостороннюю информацию. В двухтомнике можно ознакомиться с историей всех стран Северного Кавказа, начиная от Ингушетии и кончая Чечней и Дагестаном, мы не оставили без внимания ни один край. Причем рассказана не только их история, но раскрыты интересные нюансы их взаимоотношений с Грузией. Например, в главе об истории Дагестана указано, что в XI-XII веках Грузия поддерживала отношения с этой страной, в частности, в период правления царицы Тамар. В Дагестане находятся памятники архитектуры данного периода, на которых в большом количестве сохранились грузинские надписи. В Ингушетии есть грузинский собор Тхаба-Ерды, ныне он входит в состав Джейрахско-Ассинского государственного музея-заповедника. Некоторые ученые считают, что эта базилика построена в VIII веке, и поэтому Тхаба-Ерды часто называют древнейшим храмом на территории России. Необходимо отметить, что ингуши выступали в поддержку активных взаимоотношений с Грузией. Грузины называют их кистинцами, а в древних источниках представителей этого народа именуют дзурдзуками. В нашем двухтомнике можно прочесть такую информацию по данному вопросу, которая известна только узкому кругу специалистов.

– *«История Кавказа» снабжена*

Монета Давида Агмашенебели (фото Анны Даварашвили, Национальный музей Грузии)

богатым картографическим материалом.

– В разные эпохи контуры стран легко изменялись. Например, если территория Грузии времен Давида Агмашенебели простиралась от Никофсии до Дарубанда, от Осетии до Арагаца, то в иные периоды наша страна была раздроблена. Или, к слову, было время, когда существовала Кавказская Албания, но она разделилась еще до периода развитого средневековья, часть ее территорий отошла к Армении, часть – к Азербайджану и Грузии. Сегодня в Грузии есть несколько деревень, где население разговаривает на удинском языке, и мы предполагаем, что эти люди являются потомками коренных жителей той самой Албании. На Северном Кавказе тоже есть поселение удинов.

– *Вы не пользуетесь термином «Закавказье»...*

– Этот термин широко используется со времен существования СССР. Мы выступаем против его употребления. Когда мы говорим о местоположении конкретных стран в регионе, лучше использовать определения «Северный Кавказ», «Южный Кавказ». Например, Грузия, Азербайджан и Армения – это Центральный Кавказ, Южным Кавказом являются Тао-Кларджети и та, исконно грузинская, часть территорий, которая ныне входит в состав Турции, а также пограничные с Арменией и Азербайджаном территории Турции и Ирана.

– *В «Истории Кавказа» рассматриваются и такие темы, которые неизвестны широкой аудитории. Например, христианство на Северном Кавказе, крестоносцы и Грузия, крестоносцы и Армения.*

– Грузия – одна из древнейших

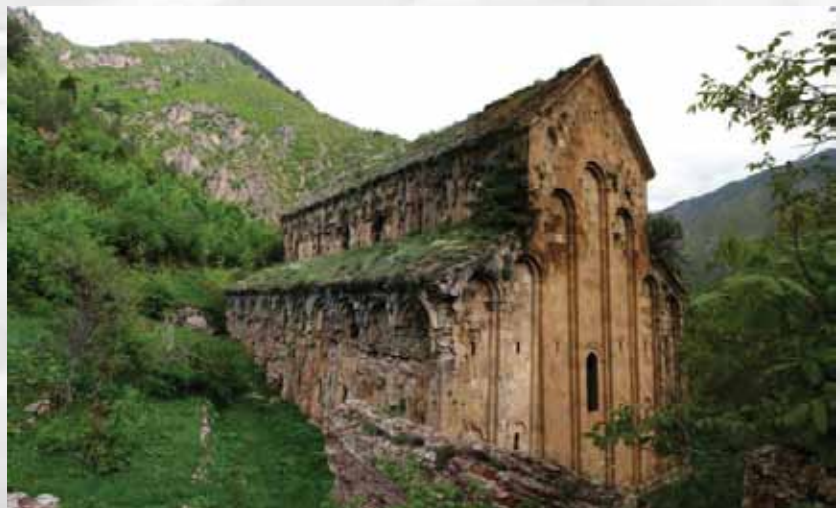
христианских стран. Здесь с первого века нашей эры началось распространение христианства апостолами Святым Андреем Первозванным, Святым Симоном Кананитом, Святым Матфеем. Именно потому наша церковь является апостольской. С первой половины четвертого века христианство – уже государственная религия, с пятого века грузинская церковь – автокефальная архиепископия, а с одиннадцатого века – патриархия. В XI-XII веках христианство насильственно насаждается на Северном Кавказе. Мы исследовали в источниках, что царю Георгию IV Лаше приходилось огнем и мечом насаждать религию на этой территории. Более того, во времена царицы Тамары было восстание дидойцев (это один из дагестанских народов) и пховцев (племя грузинских горцев, известных своей воинственностью) против христианизации и феодализации. К ним Тамара направила экспедицию под руководством Иванэ Мхаргрдзели, который завоевал их и обратил в христианскую веру.

Что касается крестоносцев, то в источниках прямо сказано, что Давид Агмашенебели поддерживал с ними деловые отношения, в частности, общался с королем-крестоносцем Балдуином. Более того, Давид внимательно следил за их действиями. Они вышли с походом в 1095 году, когда в Клермоне папа Урбан II издал указ и собрал войска якобы для взятия Гроба Господня, поскольку данная территория была завоевана

сельджуками. Затем начались захватнические войны. Здесь есть интересные детали, в «Картлис цховреба» говорится, что после того, как крестоносцы взяли Антиохию и Иерусалим, Давид прекратил выплату дани сельджукам, и летописец пишет, что отныне Грузия стала полностью независимой страной. До победы крестоносцев Давид определенное время все-таки платил сельджукам дань. Когда Агмашенебели шел на Дидгорскую битву, войско Грузии состояло из 55 600 человек: 40 тысяч грузин, 15 тысяч кипчаков, 500 аланов и 100 европейских рыцарей, которые во время крестовых походов различными путями попали в Грузию. С крестоносцами и папой римским были отношения и у царицы Русудан, царя Георгия IV Лаши и Иоанна Мсахуртухуцеси. Сохранилась переписка, где, в частности, было сказано, что Грузия готова принять участие в пятом крестовом походе. Однако, ситуация в стране ухудшилась, и данный план не был осуществлен.

– *Теме караванных путей и торговых взаимоотношений между странами отведена отдельная глава.*

– Это очень серьезный вопрос. На протяжении многовековой грузинской историографии никто не касался этой темы вплоть до XIX века. Первым, кто написал об этом, был (не удивляйтесь) Илья Чавчавадзе. В его статье о Давиде Агмашенебели мы читаем: «Ясно, что Давид Агмашенебели много воевал, но как он организовал снабжение войск провиантом таким образом, что-

Храм Пархали

бы выдержать многочисленные изнурительные бои?» Народу, который годами воевал, нужно было питаться. Как же это происходило? У населения Грузии было обязательство обеспечивать воинов едой в дорогу. Провиант брали также из завоеванных стран. Агмашенебели переселил в Грузию 40 тысяч семей кипчаков, то есть около 300-400 тысяч человек, и это не были наемники – каждая семья получила землю, оружие и обязательное условие: «можете делать на своей земле что душе угодно, но каждая семья должна дать стране по одному воину». Таким способом Давид получил 40 тысяч солдат регулярной армии. Эти семьи были обязаны снабжать бойца определенным запасом продовольствия.

Экономические взаимоотношения с другими странами существовали в Грузии с незапамятных времен, с периода древних греческих полисов. Очень интересное явление – Великий шелковый путь. Это была не просто дорога, а крайне важная торговая магистраль. Уже в XII веке, во время правления Давида Агмашенебели и Тамары, сельское хозяйство было очень развито. На высоком уровне находилась и городская жизнь – ремесленничество, купля-продажа товаров. Купцы пользовались большими привилегиями. У грузин торговое дело как-то не очень получалось, поэтому коммерцией, в основном, занимались мусульмане, и для них были введены особые льготы. Давид Агмашенебели построил для них специальные здания для ночлега, которые назывались ханагами, где приезжие торговцы могли ночевать бесплатно. Царь Давид отказался от влияния Византии, которое выражалось в том, что грузинские цари получали византийские придворные титулы «куропалата», «кесаря» и т.д., на монетном дворе чеканили монеты с византийской надписью и изображением Влахернской иконы Божией Матери. Давид убрал все эти иностранные регалии, и стал называть себя «царь грузин, абхазцев, ранов, армян, ширваншах и шаханшах, Давид, сын Георгия, меч мессии». И эта надпись появилась на его монете. Но, вместе с тем, он стал чеканить монеты

Президент Национальной Академии наук Грузии, академик Роин Метревели

с арабской надписью. Почему? Потому что восточный базар тогда занимал важное место в международной торговле, и царь выпустил в оборот вышеуказанные монеты, чтобы грузинские деньги были в ходу на данном рынке. Это имело значение для утверждения позиций страны.

– *Говорят, в историческом исследовании невозможно поставить точку...*

– Конечно. Я не исключаю, что в наш двухтомник могли просочиться некоторые неточности. Возможно, у кого-то возникнут замечания, которые мы всегда с готовностью примем. Для меня приятен тот факт, что один из самых признанных специалистов, большой знаток исторической географии, академик Давид Мухелишвили написал очень лестную рецензию, где дал высокую оценку двухтомнику. Я тоже считаю, что «История Кавказа» – шаг вперед в деле изучения такой дисциплины, как история. Это очень сложная отрасль науки. Историк никогда не может сказать, что он завершил исследование какого-либо вопроса, поскольку в будущем могут быть найдены новые источники, которые потребуют досконального пересмотра конкретного факта. Великий Иванэ Джавахишвили говорил об этом, когда в 1940 году была найдена Армазская билингва – эпитафия на каменной стеле на греческом и арамейском языках. Он сказал, что теперь, вследствие обнаружения новых фактов, многие из

его тезисов нужно пересмотреть. История не стоит на месте, это живой процесс, и поставить окончательную точку, действительно, нельзя. Не исключено, что в отношении истории Кавказского региона могут появиться доселе неизвестные факты. Например, в Шамильском районе Дагестана есть Датунский храм, памятник грузинского зодчества X-XI веков, и мы хотим исследовать, восстановить его. Между прочим, парадокс заключается в том, что грузинские памятники, находящиеся за пределами Грузии, спасли от уничтожения... мечети. К примеру, памятники Тао-Кларджети, в частности, храм Пархали, чрезвычайно важный средневековый памятник, на стенах которого есть грузинские надписи. Я лично посетил его. Там немного сложный подъем, и когда я туда добрался, узнал, что в здании храма функционирует мечеть. В тех местах живет много грузин, и я с некоторым укором спросил их, почему здесь находится мечеть. Но меня остановили: «Именно то, что здесь действует мечеть, и спасло церковь от разрушения. Сюда просто приходят люди и молятся. А сам памятник сохранен». Я вам больше скажу, за последние десятилетия наши отношения с Турцией значительно улучшились, туда поехал наш патриарх, посетил святые места, и сейчас происходит реставрация храмов Ошки и Хахули.

СОЛДАТ ПОБЕДЫ

■ **Нодар НИКУРАДЗЕ**

У военных парадов – давняя история. Парады проводились еще в армиях Древнего Египта, Персии, Рима. Наивысшего уровня они достигли во времена образования регулярных армий и стали неотъемлемой частью празднования побед. И все же такого величественного и гордого Парада Победы, который прошел 24 июня 1945 года на Красной площади Москвы, история еще не знала, поскольку не знала и такой грандиозной по масштабам, ожесточенности и потерям войны, как Великая Отечественная, – основной составляющей Второй мировой. Достаточно сказать, что от Грузии, нашей маленькой республики Советского Союза, в сражениях ВОВ приняли участие около 700 тысяч воинов, и половина из них погибли. Цена Победы над фашистскими полчищами была очень высока.

Некоторым современным западным историкам, принижа-

ющим роль страны-победителя, следует напомнить высказывания их же государственных руководителей того времени. Так, президент США Гарри Трумэн отмечал: «Мы высоко ценим великий вклад, внесенный могучим Советским Союзом в дело цивилизации и свободы. Вы продемонстрировали способность свободолюбивого и в высшей степени храброго народа сокрушать злые силы варварства, как бы мощны они ни были». Премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль: «Ни одно правительство не устояло бы перед такими страшными жестокими ранами, которые нанес Гитлер России. Но Советы не только выстояли и оправились от этих ран, но и нанесли германской армии удар такой мощи, какой не могла бы нанести ей ни одна другая армия в мире». А вот высказывание генерала Шарля де Голля: «Французы знают, что сделала

для них Советская Россия, и знают, что именно Советская Россия сыграла главную роль в их освобождении».

С объективной картиной войны совпадают многие публичные оценки, высказанные американскими армейскими руководителями тех лет. Например, генерал Дуглас Макартур, принимавший в 1945 году капитуляцию Японии, оценил успехи Советской армии на фронтах борьбы с нацизмом как «величайшее военное достижение в истории человечества». Генерал армии, будущий госсекретарь и лауреат Нобелевской премии мира Джордж Маршалл выражал восхищение «храбростью и решительным боевым духом русских солдат». Министр военно-морских сил США Франклин Уильям Нокс говорил о «вечном долге благодарности армиям и народам Советского Союза».

Парад войск Красной армии

С однополчанами. Чехословакия, май, 1945 г. Справа - Шота Никурадзе

на Красной площади Москвы 24 июня 1945 года знаменовал собой Великую Победу, триумф и непобедимость советского народа.

Участником исторического Парада Победы был и мой отец, Шота Романозович Никурадзе, кавалер ордена Красной Звезды, ордена Отечественной войны I степени, медали «За отвагу», медали «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», медали «За освобождение Праги».

Шота Никурадзе родился 27 мая 1924 года в городе Самтредиа, в семье машиниста паровоза. Шота было несколько месяцев от роду, когда его мама скончалась от малярии, которая в то время свирепствовала в Западной Грузии. Мой отец всю жизнь переживал, что у него не было ни одной ее фотографии...

В 1942 году, окончив школу, Шота был призван в армию и после непродолжительной учебы в артиллерийском подразделении – направлен на фронт.

В апреле 1943 года под Воронежем на базе 66-й армии была создана 5-я гвардейская армия под командованием генерала А.С. Жадова, которая в разное время входила в состав Воронежского, Степного, 2-го и 1-го Украинских фронтов. В этой армии Ш. Никурадзе служил со дня ее создания и до конца во-

ины – в 7-м гвардейском воздушно-десантном артиллерийском полку 9-й гвардейской воздушно-десантной дивизии, вначале наводчиком, а потом – командиром орудия 76-мм пушки.

Боевое крещение Шота получил под селом Прохоровка – в ключевом сражении Курской битвы. Непосредственно на Прохоровку фашистское командование нацелило 2-й танковый корпус СС в составе отборных танковых дивизий СС «Райх», «Мертвая голова» и «Адольф Гитлер». С обеих сторон в самом крупном в истории войн танковом сражении приняло участие 1200 танков и самоходных орудий. Гвардейцы-артиллеристы 7-го арtpолка вели тяжелые бои одновременно с танками и мотопехотой.

О том, какими яростными были схватки с врагом, можно судить по следующим данным: только в полосе наступления 9-й гвардейской воздушно-десантной дивизии за 12 и 13 июля 1943 года было подбито и сожжено более 200 танков и штурмовых орудий врага.

К концу августа надежды Гитлера взять реванш за Сталинград и восстановить пошатнувшийся авторитет военный и политический престиж Германии были полностью развеяны результатами Курской битвы.

Бесценный опыт, который получил Шота Никурадзе на Курской дуге, позволил ему успешно

сражаться и дальше, по мере продвижения Красной армии на Запад.

Затем последовала Белгородская операция, в результате которой была разгромлена белгородско-харьковская группировка противника. 23 августа был освобожден Харьков.

Ожесточенные бои шли в направлении Полтавы. Отступивший в Полтаву противник взорвал за собой мост через реку Ворсклу и занял заранее подготовленный оборонительный рубеж. Однако передовым отрядам 9-й гвардейской воздушно-десантной дивизи-

Шота Никурадзе

зии удалось форсировать реку. Используя их успех, главные силы дивизии перешли Ворсклу и вступили в бой с мотопехотой противника. 23 сентября Полтава была полностью освобождена. Приказом Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина наиболее отличившимся соединениям и частям было присвоено почетное наименование Полтавских. Среди них была и 9-я дивизия.

5-я гвардейская армия устремилась к Днепру. 29 сентября начались бои за Кременчуг. Непосредственно с севера в город ворвались части 9-й дивизии. Героизм бойцов-артиллеристов описывается в книге «От Волги до Эльбы и Праги»: «В полдень 29 сентября, когда после короткого, но интенсивного артиллерийского обстрела части 9-й гвардейской воздушно-десантной дивизии поднялись в атаку, они были встречены контратакой частей 3-й танковой дивизии с северной окраины города. Под пулеметным орудийным огнем танков 26-й гвардейский воздушно-десантный полк залег. Дивизион (в котором служил Ш. Никурадзе – *Н.Н.*) 7-го гвардейского артиллерийского полка, поддерживающий полк, встал на прямую наводку. Танки врага приближались стремительно, но, встреченные огнем орудий, стали искать укрытий. Уже ярким пламенем пылает танк, подожженный метким снарядом наводчика Л.Ф. Аронина (боевой друг Ш. Никурадзе – *Н.Н.*). Рядом вспыхнули два бронетранспортера. Шквальный огонь артиллеристов

и гвардейцев 26-го полка заставил танки врага повернуть назад, прячась в складках местности».

К середине октября 1943 года 5-я гвардейская армия в полном составе форсировала реку Днепр, продолжая гнать фашистов на Запад. С ожесточенными боями были освобождены города Кировоград, Первомайск и многие другие населенные пункты. Вот что писала армейская газета «Патриот Родины» в 1944 году в заметке под названием «Молодцы артиллеристы»: «Гвардии капитан Шершень тщательно рассматривал местность, на которой находился противник. В ложине, недалеко от леса, он заметил замаскированную в зелень 75-миллиметровую пушечную немецкую батарею. Определив расстояние, он быстро подготовил данные и подал команду орудию гвардии сержанта Аронина. Первым же выстрелом наводчик Никурадзе подбил одно немецкое орудие. Затем завязалась дуэль, в ходе которой Никурадзе уничтожил еще одно орудие. Гвардии капитан Шершень приказал открыть беглый огонь и орудие гвардии сержанта Аронина уничтожило и остальные две немецкие пушки. Благодаря своему мастерству наши артиллеристы одержали еще одну победу над врагом».

26 марта части 5-й гвардейской армии форсировали реку Южный Буг, а 14 апреля – Днестр и начали освобождать населенные пункты Молдавии. Шота Никурадзе был награжден медалью «За отвагу» – за то, что «совместно с расчетом своего

орудия в количестве 5-ти человек прямой наводкой отбил контратаку противника, уничтожив при этом 1 станковую пулемет и до 40 гитлеровцев».

В начале мая 1944 года по решению командования 2-го Украинского фронта 5-я гвардейская армия была переброшена в Румынию, в район города Ботошаны. А в конце июня была передана из состава 2-го Украинского фронта в 1-й Украинский. В составе этого фронта части армии активно участвуют во Львовско-Сандомирской операции в Западной Украине. Именно со сандомирского плацдарма 1-й Украинский фронт сделал рывок через всю Польшу.

11 января 1945 года в Сандомирско-Силезской операции войска 5-й гвардейской армии участвуют в освобождении города Ченстохова, крупного промышленного центра и узла сопротивления противника. 23 января армия подошла к реке Одер. 24 января, в районе города Шургаста, противник перешел в контратаку. Немцы наступали двумя полками пехоты и 32 танками. В этом бою особо отличился 7-й гвардейский артиллерийский полк. Гвардейцы героически сражались, и контратака противника захлебнулась. За большие заслуги по руководству боем и личное героичество командиру полка гвардии майору Н.А. Климовскому было присвоено звание Героя Советского Союза. В том бою Шота Никурадзе получил осколочное ранение головы, но не отлеживался на госпитальной койке и вскоре присоединился к своим боевым товарищам.

В начале апреля армия прорывает оборону противника на реке Нейсе северо-восточнее города Мускау и участвует в Берлинской наступательной операции. 25 апреля войска 5-й гвардейской армии вышли на реку Эльба и в районе города Торгау встретились с частями 1-й американской армии под командованием генерала Ходжеса. Встреча с союзными войсками была отмечена в Москве салютом 24 артиллерийскими залпами из 324 орудий.

Фактически за семь дней непрерывных наступательных боев армия продвинулась на 150 км, овладела 9 городами и около 300 населенными пунктами. Однако

война еще продолжалась. Шли бои по окружению и ликвидации противника.

В это время Шота Никурадзе был награжден орденом Красной Звезды. В военных архивах сохранились следующие данные: «23.04.45 г. в боях за д. Кауше орудие т. Никурадзе находилось в боевых порядках пехоты, поддерживая ее продвижение огнем прямой наводкой. Ночью немцы внезапно перешли в контратаку при поддержке бронетранспортера и 3-х танков. Орудие т. Никурадзе открыло огонь по наступающим немцам, расстреливая в упор наседающего противника. Контратака была успешно отражена, противник откатился, понеся большие потери. В этом бою орудие т. Никурадзе уничтожило до 30 немцев и 1 бронетранспортер. 01.05.45 г. в районе д. Шморпау орудие т. Никурадзе прямой наводкой отбивало атаки немцев. В этом бою уничтожено 15 гитлеровцев и 2 станковых пулемета».

К концу апреля 1945 года главные силы фашистской Германии были разгромлены. Поздней ночью 30 апреля бойцы Мелитон Кантария и Михаил Егоров водрузили знамя Победы над рейхстагом в Берлине. Однако на территории Чехословакии еще оставалась сильная боеспособная группировка фашистов. Для ее ликвидации 5-я гвардейская армия в составе основных сил 1-го Украинского фронта овладевает Дрезденом и устремляется к Праге.

Здесь, у стен Праги, 9 мая гвардии старший сержант Шота Романозович Никурадзе завершил свой боевой путь, начавшийся на Курской дуге.

Руководством страны было решено провести Парад Победы 24 июня 1945 года – как заключительный акт всенародного торжества. К участию в параде пригласили наиболее отличившихся в боях и имеющих боевые ордена бойцов и офицеров. Шота Никурадзе была оказана высокая честь представлять свою армию в сводном полку 1-го Украинского фронта.

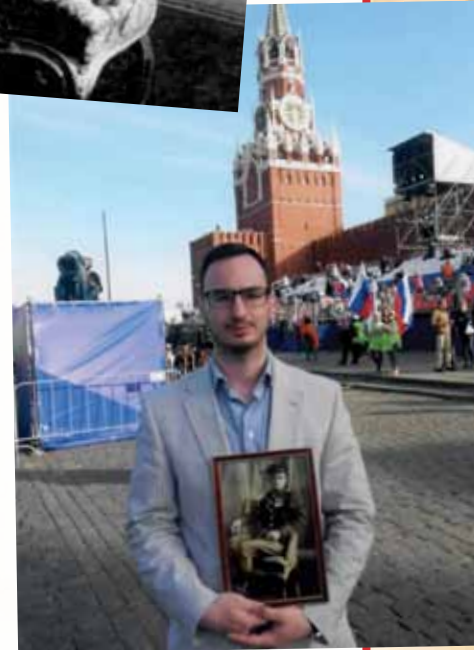
Утро 24 июня выдалось дождливое и пасмурное, но оно было радостным и счастливым. Это было утро триумфа Победителей. Парад принимал маршал

Георгий Жуков, командовал войсками маршал Константин Рокоссовский. В параде приняли участие 24 маршала, 249 генералов, 2536 офицеров, 31 116 сержантов и солдат, 1400 военных музыкантов, а также около 1850 единиц техники. Воздушная часть из-за проливного дождя была отменена – 216 самолетов так и не поднялись в воздух. Из 100 аэростатов, поднятых зенитчиками, залпами полетели 20 тысяч ракет. Состоялась церемония повержения немецких знамен и штандартов. Кульминацией праздника стало полотно с изображением ордена «Победы», появившееся высоко в небе в лучах прожекторов.

Сразу после парада Шота Никурадзе, которому тогда был 21 год, зашел в фотоателье и сфотографировался на память. Эта историческая фотография не по возрасту серьезного молодого человека в боевых орденах и медалях висит на стене в нашем доме как самая дорогая семейная реликвия.

После демобилизации Шота Никурадзе вернулся на родину. В 1955 году окончил Всесоюзный заочный институт советской торговли. Работал старшим и главным товароведом в системе Министерства торговли. Выйдя на пенсию, вел активную общественную деятельность. Регулярно встречался с юношами призывного возраста, курсантами Тбилисского высшего артиллерийского командного училища, выпускниками учебного заведения МВД Грузии. В 1990 году выдвигался кандидатом в депутаты Верховного Совета Грузии. Председатель Парламента Грузии Зураб Жвания ежегодно поздравлял Шота Никурадзе с Днем Победы, а республиканская пресса в эти дни публиковала о нем статьи.

В 1985 году Шота Романозович принял участие в Параде Победы в Москве в честь 40-летия Великой Победы. В батальоне участников Парада Победы 1945 года шли пехотинцы и моряки, летчики и танкисты, артиллеристы и саперы. Рядовые, сержанты, офицеры и генералы – в од-

Александр Никурадзе. Москва, Красная площадь, 9 мая 2015 г.

ной шеренге.

Однако это был не последний парад на Красной площади для Шота Никурадзе. 9 мая 1995 года в ознаменование 50-й годовщины Победы на военный парад в Москве была приглашена делегация ветеранов от Грузии. Среди тридцати участников ВОВ был и Шота Никурадзе.

Шота Романозовича не стало 11 мая 2002 года. Его светлую память чтут потомки – сыновья и внуки. В день 70-летия Победы в Великой Отечественной войне, 9 мая 2015 года, его внук Александр, в составе почти миллионного «Бессмертного Полка», пронес по Красной площади историческую фотографию Шота Никурадзе, снятую в 1945 году.

Если бы он знал об этом...

«Я РОДОМ НЕ ИЗ ДЕТСТВА – ИЗ ВОЙНЫ»

■ Юлия ДРУНИНА

***

Я только раз видала рукопашный,
Раз наяву. И тысячу – во сне.
Кто говорит, что на войне не страшно,
Тот ничего не знает о войне.

***

Я родом не из детства – из войны.
И потому, наверное, дороже,
Чем ты, ценю я радость тишины
И каждый новый день, что мною прожит.

Я родом не из детства – из войны.
Раз, пробираясь партизанской тропкой,
Я поняла навек, что мы должны
Быть добрыми к любой травинке робкой.

Я родом не из детства – из войны.
И, может, потому незащищенной:
Сердца фронтовиков обожжены,
А у тебя – шершавые ладони.

Я родом не из детства – из войны.
Прости меня – в том нет моей вины...

ЗИНКА

Мы легли у разбитой ели.
Ждем, когда же начнет светлеть.
Под шинелью вдвоем теплее
На продрогшей, гнилой земле.

– Знаешь, Юлька, я – против грусти,
Но сегодня она не в счет.

Дома, в яблочном захолустье,
Мама, мамка моя живет.

У тебя есть друзья, любимый,
У меня – лишь она одна.
Пахнет в хате квашней и дымом,
За порогом бурлит весна.

Старой кажется: каждый кустик
Беспокойную дочку ждет...
Знаешь, Юлька, я – против грусти,
Но сегодня она не в счет.

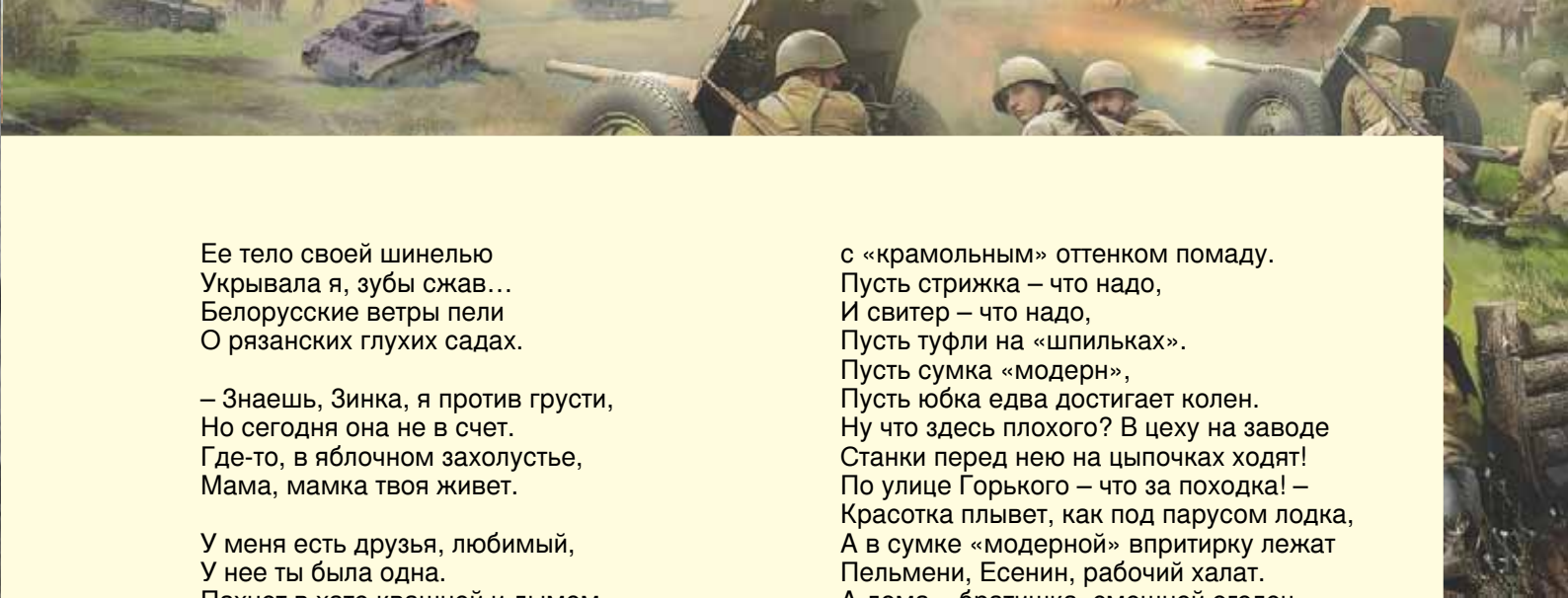
Отогрелись мы еле-еле.
Вдруг приказ: «Выступить вперед!»
Снова рядом, в сырой шинели
Светлокосый солдат идет.

С каждым днем становилось горше.
Шли без митингов и знамен.
В окружение попал под Оршей
Наш потрепанный батальон.

Зинка нас повела в атаку.
Мы пробились по черной ржи,
По воронкам и буеракам
Через смертные рубежи.

Мы не ждали посмертной славы.
Мы хотели со славой жить.
...Почему же в бинтах кровавых
Светлокосый солдат лежит?

Ее тело своей шинелью
Укрывала я, зубы сжав...
Белорусские ветры пели
О рязанских глухих садах.

– Знаешь, Зинка, я против грусти,
Но сегодня она не в счет.
Где-то, в яблочном захолустье,
Мама, мамка твоя живет.

У меня есть друзья, любимый,
У нее ты была одна.
Пахнет в хате квашней и дымом,
За порогом стоит весна.

И старушка в цветастом платье
У иконы свечу зажгла.
...Я не знаю, как написать ей,
Чтоб тебя она не ждала?!

ДЕВЧОНКА – ЧТО НАДО!

По улице Горького – что за походка! –
Красотка плывет, как под парусом лодка.
Прическа – что надо!
И свитер – что надо!
С лиловым оттенком губная помада!
Идет не стилижка – девчонка с завода,
Девчонка рожденья военного года,
Со смены идет (не судите по виду) –
Подружку ханжам не дадим мы в обиду!
Пусть любит

с «крамольным» оттенком помаду.
Пусть стрижка – что надо,
И свитер – что надо,
Пусть туфли на «шпильках».
Пусть сумка «модерн»,
Пусть юбка едва достигает колен.
Ну что здесь плохого? В цеху на заводе
Станки перед нею на цыпочках ходят!
По улице Горького – что за походка! –
Красотка плывет, как под парусом лодка,
А в сумке «модерной» впритирку лежат
Пельмени, Есенин, рабочий халат.
А дома – братишка, смешной оголец,
Ротастый галчонок, крикливый птенец.
Мать... в траурной рамке глядит со стены.
Отец проживает у новой жены.
Любимый? Любимого нету пока...
Болят обожженная в цехе рука...
Устала? Крепись, не показывай виду, –
Тебя никому не дадим мы в обиду!
По улице Горького – что за походка! –
Красотка плывет, как под парусом лодка,
Девчонка рожденья военного года,
Рабочая косточка, дочка завода.
Прическа – что надо!
И свитер – что надо!
С «крамольным» оттенком губная помада!
Со смены идет (не судите по виду) –
Ее никому не дадим мы в обиду!
Мы сами пижонками слыли когда-то,
А время пришло – уходили в солдаты!

Юлия Друнина родилась в Москве в семье учителя. В 11 лет начала писать стихи. После начала Великой Отечественной войны, в 17-летнем возрасте, записалась в добровольную санитарную дружину, работала в госпитале. Вместе с семьей была эвакуирована в Заводоуковск, оттуда ушла на фронт, была санитаркой пехотного полка. В 1943 году получила тяжелое ранение, очнувшись в госпитале и узнала, что была на волосок от смерти. Там же, в госпитале, написала свое первое стихотворение о войне, которое вошло во все антологии военной поэзии – «Я только раз видала рукопашный...». Вернулась на фронт, получила контузию, в ноябре 1944 года признана негодной к несению военной службы. Закончила войну в звании старшины медицинской службы. В начале 1945 года в журнале «Знамя» публикуется подборка ее стихов. В 1948 году вышел первый поэтический сборник «В солдатской шинели». Всего при жизни Ю. Друниной издано более двух десятков сборников стихов, публицистики, прозы. Кавалер ордена Красной звезды, ордена Отечественной войны 1-й степени, медали «За отвагу», лауреат литературных премий. В 1991 году трагически ушла из жизни, покончив с собой.

100

ЗОЛОТАЯ ИСКРА

«Земля – транзит, мгновенье – птица. Под крыльями его пунктиром дня и ночи жизнь промчится». Всем нам с детства знаком калейдоскоп. Затаив дыхание, мы вглядывались в маленькое оконце, где происходило волшебство – чудо метаморфозы. Вращая картонную трубку, мы становились архитекторами, художниками, творящими чудеса. Одна за другой менялись картинки, складываясь в мозаичные шедевры, гармонию геометрии цвета. Одно движение руки – и ты как будто бы сам великий Леонардо. Удивительная штука этот калейдоскоп. Из маленьких цветных осколков возникает призрак того, к чему ты будешь стремиться всю свою жизнь – в реальности стать архитектором собственной судьбы. А жизнь наша состоит из эпизодов больших и маленьких, печальных и счастливых, обыкновенных и вдохновенных. Мы, как старатели, отыскиваем золотую крупичку в огромном количестве пустой породы. А найдя ее, изо всех сил стараемся не утратить. Сохранить в своей душе эту искру, дающую право жить дальше с верой в нужность и самому себе, и миру людей, которому так необходима золотая искра. А связано это прежде всего с творчеством.

Вот уже не одно десятилетие приходя в театр, как принято говорить, в наш второй дом, мы, его обитатели, встречаемся снова. «Как дела?» – «Нормально, Наташа». – «Лучше говори: хорошо!» – «Хорошо!» – «Как нога?» – «Спасибо, лучше». – «Говори – хорошо!» – «Хорошо!» – «Говорят, вчера был успех?» – «Был». – «Как хорошо!» – «Наташа, а как ты?» – «Тоже хорошо, собачка Атос потихоньку привыкла к людям, стала улыбаться. И, глядя на нее, все тоже становится как-то веселее!» – «Наташа, я поправился, у меня не застегиваются брюки!» – «Снимай, отнесу к Джумберу!» – «Хорошо!».

Много лет каждый из нас вкладывает свою лепту в общее дело – сотворение спектаклей. А они как дети. Отнесешься с любовью – и получится красивый, добрый ребенок. И зрители рады, и нам хорошо. Наша жизнь, как лента Мебиуса, – рождаемся, взрослеем, учимся, по возможности творим – калейдоскоп эпизодов нашей жизни! Что-то получается, что-то не очень. Но мы стараемся...

Наташа – часть моей жизни. Близкий мне по духу человек. Настоящий архитектор своей жизни. Наташе есть чем гордиться. Академия художеств, автор сценографии спектаклей, художник по костюмам, великолепно чувствующий эпоху, стиль. Заведующая костюмерным цехом Грибоедовского театра. В общем, человек, целиком отдающий себя делу. И, наконец, любящая мать, воспитавшая талантливую дочь и передавшая ей эстафету творчества. Удачи тебе, дорогая Наташа! Сил и здоровья! И дай Бог, чтобы у тебя все было хорошо!

Валерий ХАРЮТЧЕНКО

Наташа Кобахидзе – удивительно талантливый человек. Педант, перфекционист: ради того, что замыслила, представила себе и нарисовала, готова на любые жертвы. В ней – тонкий синтез человека и профессионала, который интерес-

Наталия Кобахидзе

но реагирует на окружающий мир, живет судьбой Грибоедовского театра, Свободного театра. Она настоящий художник. Один из тех театральных деятелей, кто, работая в театре, не разучился рисовать и рисует просто великолепно. Человек, который прекрасно воспитал свою дочь – тоже ответственного, яркого человека на поприще искусства.

Я с удовольствием работаю с Наташей. Она автор костюмов в целом ряде моих спектаклей, а в театре, его структуре – личность незаменимая. Ни один сценограф не может реализовать в театре свой замысел без участия Кобахидзе: тотальное владение материалом – одно из ее бесценных качеств. Поэтому участие в создании моих спектаклей таких сценографов, как Мириан Швелидзе, Айвенго Челидзе, – равнозначно участию Наташи в работе над их художественным оформлением, за что я ей очень благодарен.

Искренне желаю ей много-много лет жизни и активной деятельности. Дай Бог успеха и процветания ее дочери и всему, к чему прикоснулась ее талантливая рука, талантливая душа и тонко организованная психофизика.

Андрю ЕНУКИДЗЕ

Есть люди, которые, однажды войдя в твою жизнь, остаются в ней навсегда, и это не зависит от того, часто или редко ты с ними видишься: просто они становят-

«Эмигранты»

«Какая грусть! Конец аллеи...»

«Гроза»

«Аллеи любви»

ся частью твоего мира. Страшно сказать – с Натой мы познакомились в конце семидесятых, чуть не полвека назад, в доме Ниты Табидзе или у Мананы и Гиви Андриадзе, сейчас уже точно не вспомнить. В доме Мананы Ната была как член семьи. Что меня сразу покорило в Наташе – так это ее обостренное чувство справедливости и эмоциональность, свойственная ярким талантливым людям. А еще – большая человеческая надежность и верность друзьям. Эти свойства она сохранила до сих пор, хотя, видит Бог, пережить за эти годы нам пришлось много тяжелого. А еще часть своего света и таланта Наташа передала своей чудесной дочери Манане. Наташенька, чемо карго, чемо дзвирпасо, чемо мегабаро! Ты навсегда связана для меня с лучшим временем моей жизни – с Грузией. Береги себя! И до встречи!

Наталья СОКОЛОВСКАЯ

Дорогая Натуля! С тобой связана вся моя молодость... С того дня, как Манана Долидзе стала нашей невесткой, ты – фактически ее сестра – тоже стала чле-

ном нашей семьи. Ты знаешь, как Нита тебя любила, как верила в твой талант и гордилась тобой. Ты всегда была рядом, помогала во всем, и не только мне, но и моим друзьям, моим близким. Сколько воспоминаний... Наше путешествие на корабле... Мы были молоды и так счастливы. Проходит жизнь, многих уже нет в живых, но наша дружба продолжается. И пока мы живы, они тоже живут вместе с нами, в наших воспоминаниях. Натулечка, поздравляю! Желаю исполнения всех твоих желаний! Счастья твоей необыкновенной дочке! Целую тебя крепко. Очень тебя люблю.

Нина АНДРИАДЗЕ

Ната, дорогая моя, поздравляю с юбилейной датой! Возраст – это просто возраст. Годы идут, а мы остаемся. Любим, верим, радуемся жизни. И так всег-

да. Мы с тобой прожили многие годы бок о бок – вместе учились в школе, жили в одном районе, здесь же растили наших детей и внуков. Всякое было, но ты такая же веселая, жизнерадостная, доброжелательная, как и прежде. Я временами достаю старый школьный портфель, вынимаю альбом с твоими дружескими шаржами на наших одноклассников, и радость наполняет мое сердце – вспоминаю друзей. К сожалению, многих из них уже нет, но память хранит нашу юность благодаря твоему искусству. Хочу тебе пожелать крепкого здоровья (возраст, все-таки:)), счастья, благополучия. Будь энергичной, бодрой, любимой теми, кто тебе дорог. Пусть твоя жизнь будет полна творчеством и интересными событиями! Пусть в твоём сердце всегда будет весна!

Нана ИАШВИЛИ

Сердечно поздравляем с юбилеем Наталью Кобахидзе, художника, заведующую костюмерной частью Тбилисского театра им. А.С. Грибоедова! Счастья, радости, благоденствия!

КУЛЬТУРА – ЭТО СВОБОДА

■ **Юлия ТУЖИЛКИНА**

Многогранность образов и впечатлений, событий и судеб – все это было представлено в апреле на Тбилисской международной ярмарке современного визуального искусства Tbilisi Art Fair (TAF). Мероприятие проходило на нескольких площадках выставочного центра Exro Georgia, где свои работы представили участники из двадцати девяти стран мира: Грузии, Азербайджана, Армении, Беларуси, Ирана, Литвы, Турции, Польши, России, Румынии, Эстонии и других.

На международной ярмарке Tbilisi Art Fair, самой масштабной на Кавказе площадке популяризации современного искусства, можно было увидеть инсталляции, медиапроекты, изделия из текстиля, картины, коллажи и скульптуры. Несколько павильонов Exro Georgia, а также залы тбилисских музеев, с 11 по 14 апреля разместили удивительные, необычные и нестандартные работы международных мастеров. На открытии ярмарки к участникам и посетителям обратилась президент Грузии Саломе Зурабишвили: «Ярмарка предоставляет участникам много возможностей. А воздух свободы

дарит надежду. Культура – это свобода».

Нино Гамрекели, координатор ярмарки и креативный директор Exro Georgia так говорит об уникальности мероприятия: «Это единственная в регионе платформа, которая собирает художников, кураторов, критиков и коллекционеров со всего мира и действует в таком формате: выставка-продажа с параллельной образовательной программой. Проект, который ориентирован и на развитие, и на продажи, помогает галереям и мастерам знакомиться с коллекционерами и продавать свои работы».

Tbilisi Art Fair собирает творческих людей с 2018 года, вынужденный перерыв случился только в пандемию. Сейчас ярмарка снова набирает обороты. В прошлом году ее посетило более 15 тысяч людей, интересующихся искусством.

«Это настоящий праздник эстетики, – подчеркивает директор Exro Georgia Ресан Кикава. – Ярмарка проходит уже в четвертый раз, и мы этому очень рады. В этом году ее масштаб, конечно, больше. Отдельное пространство отдано

галереям, отдельное – художникам из разных стран».

Надо признать, что мероприятие весьма популярно среди художников, попасть сюда на ярмарку – дело престижное и не столь легкое: необходимо покорить комиссию нестандартным подходом, идеей или ее оригинальным воплощением. Это подтверждает Нино Гамрекели: «Вот в этом, 11-ом павильоне, расположено около сорока галерей из двенадцати стран. У нас заранее проходил серьезный отбор. Наш арт-директор француз Эрик Шлоссер совместно с грузинскими экспертами просматривали представленные портфолио галерей, обращая внимание на их концепции, методы работы с художниками, способы их продвижения. Мы стараемся выбирать разноплановые работы, интересные и своеобразные. В ярмарке участвуют и такие галереи, которые представляют работы 30-х, 50-х, 70-х годов XX века. Мы стараемся эту ретроспективу тоже показать, чтобы можно было проследить путь – откуда мы идем и где сейчас находимся в контексте современного искусства».

В рамках ярмарки были выставлены малоизвестные работы

Давида Какабадзе, знаменитого живописца и театрального художника первой половины XX века: его абстрактные парижские картины и черно-белые фотографии конструктивистских композиций.

Рядом с признанными гениями соседствовали и молодые таланты. «Есть павильон, рассчитанный на молодых участников. Там конкурсный отбор тоже очень серьезный, – продолжает свой рассказ Нино Гамрекели. – Из двухсот заявок отобрали только сорок. Это очень интересная селекция, потому что дело касается художников, которые находятся на старте своей карьеры, их надо обнаружить, открыть, продвигать и развивать. Ими интересуются и медиа, и кураторы, и галеристы».

Своим посылом была интересна текстильная выставка, посвященная переосмыслению

традиционных узоров, превращению текстиля в динамичное средство письма и коммуникации. «Текстиль – это своего рода форма общественного диалога, – подчеркивает Асли Самедова, куратор выставки коллекции текстиля. – Это групповая выставка, здесь представлены художники Кавказа и Центральной Азии: Баби Бадалов, Марина Чкония, Гульнур Мукажанова, Диляра Кайпова, Тамаз Нуцубидзе. К примеру, работа казахстанской художницы Гульнур Мукажановой называется «Босага» («порог»). И здесь мы видим отсылку к традиционному казахскому текстилю – тускииз, который исторически использовался в национальной культуре. Такие изделия размещали у изголовья кровати как своего рода оберег».

На ярмарке было представлено много авторских проектов и индивидуальных выставок.

Нино Гамрекели поделилась с нами своим восхищением: «В этом году невероятно интересная выставка дизайнера моды из Копенгагена Хендрика Вибскова,

он впервые выставляется в Грузии как мультимедийный мастер с холстами, инсталляциями, массивными текстильными работами. Такого же плана – выставка гобелена Уллы Розен Винблад, художницы из Швеции, ее работа 70-х годов выставлена в Музее современного искусства в рамках нашего проекта. Очень примечательна выставка узбекских художников. Вообще многое на ярмарке заслуживало самого серьезного внимания».

В целом современное искусство, представленное в Тбилиси, поражало новизной, неординарностью, размахом авторского воображения. И, если оставить в стороне споры о том, что называть термином «современное искусство», можно увидеть: международная ярмарка объединила разносторонних личностей, настоящих мастеров, разные культуры и традиции. А перспективной молодежи открыла дорогу в большой мир красоты и творчества и подарила новые возможности.

ЗАНИМАТЕЛЬНАЯ ЭТИМОЛОГИЯ

Бедный Йорик!

Ироническое сожаление о бренности всего сущего.

Источник: пьеса «Гамлет» Уильяма Шекспира (действие 5, сцена 1). Восклицание принца Гамлета над черепом королевского шута Йорика, которого он очень любил: «Poor Yorick!» (англ.)

Без бумажки ты букашка, а с бумажкой – человек

Шутливое выражение о важности и необходимости документов.

Источник: «Песенка бюрократа», написанная поэтом Василием Лебедевым-Кумачом для эстрадного обозрения Московского дома печати «Вопрос ребром» (1931).

В жизни главное – бумажка,
Береги ее весь век.
Без бумажки – ты букашка,
А с бумажкой – человек!

Без гнева и пристрастия

О непредвзятом взгляде на ситуацию и справедливом разрешении дела или спора

Источник: выражение римского историка Тацита из сочинения «Анналы» – «Sine ira et studio» (лат.). Тацит пишет, что будет вести свою летопись именно так – объективно.

Без дураков

О серьезном отношении к чему-либо.

Источник: выражение при средневековом русском дворе. Заседания бояр в царских палатах, где принимались важ-

ные государственные решения, проходили в строгой секретности. Туда не пускали никого, в том числе, и придворных шутов. «Без дураков» буквально значило «без шутов».

Без меня народ не полный!

О значимости каждого человека – как гражданина и личности.

Источник: рассказ Андрея Платонова «Старый механик».

– Куда тебя домовый несет? – спросила Анна Гавриловна. – Метель утихла, палец в машине притерпится, – чего тебе там за всех стараться? Там без тебя есть народ!

– Народ там есть, Анна Гавриловна, а меня там нет, – с терпением сказал Петр Савельич. – А без меня народ неполный!

Без руля и без ветрил

Неодобрительное или ироническое выражение о деятельности без четкого плана, без ясной цели.

Источник: поэма М.Ю. Лермонтова «Демон», слова Демона, обращенные к Тамаре:

На воздушном океане,
Без руля и без ветрил,
Тихо плавают в тумане
Хоры стройные светил.

Выражение стало крылатым благодаря опере «Демон» А.Г. Рубинштейна. Известности ему добавило исполнение арии Демона Ф.И. Шаляпиным.

Белая ворона

О человеке, резко отличающемся от всех остальных, не таком, как все.

Источник: 7-я сатира римского поэта Ювенала:

Рок дает царства рабам,
доставляет пленным триумфы.
Впрочем, счастливцев такой
реже белой вороны бывает.

Albus corvus – белая ворона (лат.)

Бензин ваш – идеи наши

Предложение делового партнерства, реализация идей одного партнера за счет финансовой поддержки другого.

Источник: роман Ильи Ильфа и Евгения Петрова «Золотой теленок», название третьей главы романа и слова Остапа Бендера:

– В Арбатове вам нечего терять, кроме запасных цепей, – убеждал Бендер. – По дороге голодать не будете. Бензин ваш – идеи наши!

Бери шинель, пошли домой

Шутливо-ироническое предложение завершить какое-либо дело, оставить какие-либо занятия.

Источник: слова песни Булата Окуджавы для кинофильма «От зари до зари»:

А мы с тобой, брат, из пехоты,
А летом лучше, чем зимой.
С войной покончили мы счеты,
Бери шинель, пошли домой!

თბილისის ა. გრიბოედოვის სახელობის სახელმწიფო რუსული დრამატული თეატრი
Тбилисский государственный русский драматический театр им. А.С. Грибоедова

საზონი 178
СЕЗОН 178

მაისი МАЙ 2024

ი. ბუნინი
**სიყვარულის
ხეივანები**

საბედისწერო ისტორიები ორ მოქმედებად

დამდგმელი რეჟისორი
ავთანდილ ვარსიმაშვილი

И. Бунин
**АЛЕИ
ЛЮБВИ**

Роковые истории в двух действиях

Режиссер-постановщик
АВТАНДИЛ ВАРСИМАШВИЛИ

12 მაისი
мая

8 ოთხშ. სპ.	ი. ვილკისტი И. Вилькст	ველვერის ღამე დრამა ერთ მოქმედებად (დიდი დარბაზი)	НОЧЬ ГЕЛЬВЕРА Драма в одном действии (Большой зал)	
პრემიერა		ПРЕМЬЕРА		
11 შაბ. სბ.	ნ. კალატოზი Н. Калатози	მკინარა გზათუნახავი მუსიკალური წარმოდგენა ერთ მოქმედებად (მცირე დარბაზი)	СПЯЩАЯ КРАСАВИЦА Музыкальное представление в одном действии (Малый зал)	
12 კვ. ვსკ.	ნ. კალატოზი Н. Калатози	მკინარა გზათუნახავი მუსიკალური წარმოდგენა ერთ მოქმედებად (მცირე დარბაზი)	СПЯЩАЯ КРАСАВИЦА Музыкальное представление в одном действии (Малый зал)	
12 კვ. ვსკ.	ი. ბუნინი И. Бунин	სიყვარულის ხეივანები საბედისწერო ისტორიები ორ მოქმედებად (დიდი დარბაზი)	АЛЕИ ЛЮБВИ Роковые истории в двух действиях (Большой зал)	
პრემიერა		ПРЕМЬЕРА		
14 სამშ. ვტ.	ს. ალექსივიჩი С. Алексевич	ჩერნობილის ღოცვა დოკუმენტური დრამა ერთ მოქმედებად (მცირე დარბაზი)	ЧЕРНОБЫЛЬСКАЯ МОЛИТВА Документальная драма в одном действии (Малый зал)	
15 ოთხშ. სპ.	ს. ალექსივიჩი С. Алексевич	ჩერნობილის ღოცვა დოკუმენტური დრამა ერთ მოქმედებად (მცირე დარბაზი)	ЧЕРНОБЫЛЬСКАЯ МОЛИТВА Документальная драма в одном действии (Малый зал)	
16 ხუთშ. ყტ.	ა. ჩეხოვი А. Чехов	ძია ვანია დრამა ორ მოქმედებად (მცირე დარბაზი)	ДЯДЯ ВАНЯ Драма в двух действиях (Малый зал)	
17 პარ. პტ.	ნ. გოგოლი Н. Гоголь	შინელი ფერია ერთ მოქმედებად (დიდი დარბაზი)	ШИНЕЛЬ Феерия в одном действии (Большой зал)	
22 ოთხშ. სპ.	ს. მროვეკი С. Мрожек	ემიგრანტები კომედია ერთ მოქმედებად (მცირე დარბაზი)	ЭМИГРАНТЫ Комедия в одном действии (Малый зал)	

www.griboedovtheatre.ge
www.biletebi.ge

ცნობები ტელეფონებზე:
Справки по телефонам: 2-93-11-06, 2-93-43-36

თეატრის სამხატვრო ხელმძღვანელი ავთანდილ ვარსიმაშვილი
სახელმწიფო პრემიის ლაურეატი, კოტე მარჯანიშვილის სახ. პრემიის ლაურეატი
Художественный руководитель театра АВТАНДИЛ ВАРСИМАШВИЛИ
лауреат Государственной премии Грузии, лауреат премии им. К. Марджанишвили

Памятник Булату Окуджава в Москве, на Арбате

